Радек
ПЕРЕД
НОВ. ВОЛНОЙ
рев. потрясений

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 161
П 376

К. Радек

ПЕРЕД НОВОЙ ВОЛНОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГПП, МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Капиталистический мир после войны.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Арслан. Современная Турция—25 к.
Варга. Закат капитализма. (Разошлась).
С. Галперин. Современная Бельгия—20 к.
Геддо Глонти. Меньшевистская и Советская Грузия—15 к.
Иорданов. Балканы после войны—20 к.
А. Иоффе. Генуэзская конференция. (Разошлась).
П. М. Керженцев. Ирландия—20 к.
Ф. Кон. Кризис буржуазной Польши.
„ Замыслы буржуазно-шляхетской Польши. (Разошлась).
И. Майский. Советская Россия и капиталистический мир. (Разошлась).
М. Павлович. Советская Россия и империалист. Япония—48 к.
Павловский. Банкротство Германии—60 к.
Х. Раковский. Накануне Генуи—6 к.
Смолянский. Под мечом капитала. (Разошлась).
А. Стоклицкий. Рур. (Разошлась).
Вильям Фостер. Волны рабочей революции в Германии, Италии и Франции в 1918—21 г г.—14 к.
А. Шлихтер. Наша соседка Финляндия—6 к.
И. Шубин (Самарин). Париж—Варшава—Вильно—50 к.

ГОТОВЫ К ПЕЧАТИ:

Гумбель. 4 года политики убийств.
Кап. Крушение капитализма.
Майский. Современная Германия.
Мархлевский. Современная Польша.
Ротштейн. Современная Англия.
А. Шлихтер. Современная Австрия. II-ое издание.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗ-СТВА

МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Карл Радек

ЕН 161
П 976

ПЕРЕД НОВОЙ ВОЛНОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

(ДВЕ РЕЧИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

ЕН 161
П 376

1058940

Главлит. № 12.454. Тираж 10.000 экз.

„Мосполиграф"—20 тип. „Красный Пролетарий". Пименовская ул., д. 1/16

I.

Международное политическое положение.

(Из доклада на расширенном пленуме Коминтерна, произнесенном 15 июня 1923 г.).

За шесть месяцев, прошедших со времени последнего конгресса, которому я представил письменный доклад о ликвидации Версальского мира, произошел целый ряд важных международных политических событий, сильно изменяющих общую картину положения и требующих от нас целого ряда тактических решений. Но перед тем, как перейти к этому вопросу, я бы хотел посвятить несколько скромных слов великому другу и покровителю Коммунистического Интернационала, лорду Керзону. Он в своей ноте Советскому правительству назвал Коминтерн «mischievous body», зловредной организацией, и выразил таким образом свое недовольство тем, что мы занимаемся международными политическими вопросами.

Ответ Коминтерна лорду Керзону.

Мы умеем ценить ту великую честь, которую нам оказал лорд Керзон этим обращением. Мы знаем и то, что мы не так подготовлены для занятий вопросами международной политики, как лорд Керзон. Никто из нас не посещал Итонского колледжа, никто из нас в детстве не мечтал стать вице-королем Индии, и мы не представляем класса, который уже целые триста лет делает мировую политику. Мы—представители класса, являвшегося до сих пор объектом мировой политики, которую он изучает не в колледжах английской аристократии. Рабочий класс на своей спине изучал во время войны последствия политики

разных Керзонов. Это обучение оказалось недостаточным, так как иначе лорд Керзон не имел бы больше возможности свободно заниматься мировой политикой. Мы пытаемся вести рабочий класс дальше в деле обучения и, само собой понятно, делаем при этом ошибки. Если бы точка зрения лорда Керзона принципиально не столь отличалась от нашей, мы бы с той же благодарностью встретили и его критику, с какой встречаем критику наших противников в рабочем движении. Мы не надеемся, что окажемся в состоянии в будущем смягчить критику лорда Керзона и получить от него заверения, что мы представляем приятную ему организацию. Да мы и не стремимся к этому. Мы убеждены, что, занимаясь мировой политикой, мы, во всяком случае, служим тем целям, которые себе поставил и преследует пролетариат, и которых он победоносно достигнет, будет ли это угодно лорду Керзону, или нет.

Крушение планов Ллойд-Джорджа.

Теперь перейдем к интересующим нас вопросам. Первый вопрос,—это ставший фактом непосредственно после конгресса и являющийся крупным поворотом в международном положении *англо-американский договор* о платеже английских долгов Америке. Второй: *оккупация Рура и позиция Англии в этом вопросе.* Третий: *Лозаннская конференция.* Четвертый: *англо-русский конфликт.* Пятый: *фактическая ликвидация Вашингтонского соглашения в Восточной Азии.* Это как-будто отдельные, не стоящие между собой в связи события, но в действительности они самым тесным образом связаны друг с другом, и только анализ взаимной связи этих вопросов выявит нам картину международного положения и укажет те задания, которые мы, как Коммунистический Интернационал, должны себе поставить. Для того, чтобы понять, какую крупную перемену в международном положении сигнализирует англо-американское долговое соглашение, необходимо в нескольких словах напомнить о предыдущей фазе английской по-

литики, о *политике Ллойд-Джорджа*, как она выразилась, во-первых, на Генуэзской конференции, во-вторых, в известной ноте Бальфура о межсоюзнических долгах.

План, который Ллойд-Джордж старался провести в интересах английского торгового капитала, состоял в следующем: союзники имеют большие долговые обязательства по отношению друг к другу, в первую очередь—по отношению к Америке. Одним из крупнейших должников Англии и Соединенных Штатов является Франция. Англия добивалась соглашения, которое имело бы, правда, своим последствием уменьшение французской задолженности союзникам, но зато принудило бы Францию сократить свои вооружения и уменьшить репарационное бремя Германии. Если Франция будет принуждена сократить свою армию, то англо-французские противоречия в борьбе за гегемонию в Европе будут ослаблены, что облегчит положение Англии. Если Франция будет принуждена за аннулирование части ее долгов Америке и Англии сбросить часть репарационных обязательств Германии, то укрепится германская буржуазия. Так как Германия играла крупную роль в английском торговом балансе, то английская торговая и промышленная буржуазия получила бы возможность освободиться от огромной безработицы, которая стоит Англии 100 миллионов фунтов в год, т.-е. столько, сколько Франция ежегодно требует от Германии по репарационным обязательствам.

Вторая часть плана Ллойд-Джорджа состояла в том, чтобы заключить соглашение с Советской Россией, по которому Россия не только была бы втянута в международное капиталистическое общество, но и благодаря ему сама *стала бы новым капиталистическим государством*. Ллойд-Джордж надеялся, что Советское правительство откажется от своего социалистического характера, т.-е. от своего длительного и постоянного стремления шаг за шагом развивать свое хозяйство в направлении к социализму, что в форме концессий на 99 лет оно не только вернет фабрики, принадлежавшие раньше иностранным капиталистам, но и будет вынуждено в виде так-называемых компенсаций ка-

питалистам отдать свои железные дороги, гавани, а пожалуй, и все еще неиспользованные богатства страны международному капиталу. Русские рабочие и крестьяне должны были бы, таким образом, способствовать реставрации европейского капитализма. Ллойд-Джордж заявил в парламенте после Генуэзской конференции, что вожди русской революции очень умные и трезвые люди. Они имеют за собой немного черни, которая подогревается дикими коммунистами, в роде нашего друга Бухарина, которого он, правда, не назвал, но имел в виду. Исходя из этого, нужно, мол, им, этим умным людям, дело несколько облегчить. Пусть правительство и впредь называется Советским, пусть и дальше разыгрывают «Интернационал», но пусть отдают русские народные богатства европейскому капиталу. Не подлежит никакому сомнению,—его великолепный план это обнаруживает,—что бывший представитель английской мелкой буржуазии, а потом английских военных спекулянтов, имел великолепный план, как лучше всего устроить дела в мире. Но эта идея имеет то общее с знаменитой лошадью Ариосто, что она тоже была мертва. Расчет был сделан без двух хозяев: *без Соединенных Штатов и без Советской России.*

Условием удачи этого плана были бы, с одной стороны, согласие Советской России, а с другой стороны, американское давление на Францию и готовность Америки предоставить Германии заем. Америка вовсе не думала делать политику Ллойд-Джорджа и Англии. Если только вы примете в расчет цифровые данные за последний период экономического роста Америки, за период высокой конюнктуры 1922/23 годов; тот факт, что производство стали в Америке удвоилось в сравнении с довоенным временем и составляет теперь 50.000.000 тонн; тот факт, что посевная площадь увеличилась с 40 миллионов акров до войны до 98 миллионов; то обстоятельство, что американская индустрия, не взирая на форднеевский тариф, во все растущем объеме перерабатывает чужое сырье, что она начинает испытывать недостаток рабочих рук,—то все это покажет, почему американская буржуазия нисколько не рас-

положена броситься в европейские дела и вложить крупный капитал в дело восстановления европейского капитализма.

Две группы являются противниками политики изоляции. Первая—фермеры; но фермеры составляют только 30% населения Америки, их производство дает лишь 17% национального дохода; только 20% американской продукции сельской промышленности идет за границу.

Вторая—финансовые банковские круги, которые весьма ясно выявили на конференции банкиров в Вашингтоне желание вмешаться в европейские дела. Они рассчитывают, таким образом, заполучить в свои руки европейскую промышленность. Известное число банков заинтересовано в финансировании экспорта из Европы, которая доставляет товары более дешевые, чем американские. Они имели бы возможность получить более крупную прибыль, но за счет американских капиталистов, которые пытались охранить себя от всякой конкуренции с помощью тарифа Фордней. Улучшение экономического положения Америки, несмотря на предостережение Гувера о необходимости помнить и о завтрашнем дне и поддерживать отношения с иностранными державами, усилило тенденцию С.-А. С. Ш. к изоляции. Если ввоз в Америку извне и усилился, то это ввоз его сырья из колониальных стран, к которым и переправляется американское золото. Америка не отказалась от своего обособления. Если она начинает ближе интересоваться мировыми вопросами, то это все больше вопросами ближне- и дальневосточными и южно-американскими, чем европейскими.

Когда в Америке обсуждался вопрос о германском займе, то директор моргановского треста Ламон указал в своей речи, как трудно было бы банкам мобилизовать капитал для Европы. Он заявил: мы, банки, не имеем такого большого капитала; мы должны его получить от широких масс мелкой буржуазии, подписывающихся на займы. Но эти массы видят, что Европа разодрана на части, что там существует опасность войны и революции, и говорят: раньше, чем европейская буржуазия сама не водворит порядка, она

не может рассчитывать на помощь Америки. В этом заключаются те общие причины, по которым Америка не согласилась с планом Ллойд-Джорджа. Но были еще и другие основания. Ллойд-Джордж пытался, говоря в политическом смысле, создать *англо-американскую коалицию против Франции*. Америка хорошо знает, что французская политика в Европе есть политика разрушения. Америка не хочет теперь уже окончательно связать себя с Англией. Англия, как я уже указывал в своем докладе о ликвидации Версальского мира, не имеет на Дальнем Востоке вполне определившейся политики. Англия не приняла на себя окончательных обязательств по отношению к Японии. Америка не знает, не будет ли она вынуждена во время будущей борьбы на Востоке держаться на-чеку по отношению к Англии. Америка и Англия—не только две крупные промышленные, конкурирующие на мировом рынке, державы, но и, кроме того, крупные морские державы. Америка опередила английский флот и еще не знает, не придется ли сражаться с ним из-за морей. Сложись такое положение, то Франция оказалась бы не врагом, но возможным союзником. Французские подводные лодки могли бы в таком случае преградить пути, по которым подвозятся сырье и хлеб в Англию, а рассеянные по океанам французские порты служили бы опорными пунктами для американского флота. И вот Америка, поднимающая страшный крик по поводу европейского милитаризма, остерегается в Вашингтоне требовать от Франции отказа от сооружения подводных лодок.

С другой стороны, планы, касающиеся Советской России, потерпели крушение, благодаря маленькой ошибке, совершенной в этом отношении Ллойд-Джорджем. Я отнюдь не хочу отрицать, что у нас имеется немного смекалки и весьма много хладнокровия, но Ллойд-Джордж ошибся относительно наших намерений. Быть-может, он оказался жертвой II Интернационала и меньшевиков, когда предположил, что новая экономическая политика есть не что иное, как парашют для медленного спуска в низины капитализма.

Советская Россия в Генуе и в Гааге заявляла, что она охотно пойдет на уступки иностранному капиталу, если последний предоставит нам кредиты. Но ни при каких обстоятельствах мы не согласны отдать иностранному капиталу нашу тяжелую индустрию и наши железные дороги. Таким образом, план Ллойд-Джорджа был разбит и с востока. При переговорах, происходивших в вилле Альберти, он грозил представителям Советской России тем, что если его постигнет политическая смерть, нам уже не заполучить столь великого друга, и тогда верх возьмет наш враг. Мы же думали: «упаси нас, боже, от наших друзей, а от врагов мы и сами убережемся». Так рушились планы Ллойд-Джорджа.

Англо-американское соглашение о долгах.

Появившийся на сцене новый консервативный кабинет принужден был искать иных способов сближения с Америкой. Если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету. И вот английский лорд-канцлер господин Болдуин, совладелец фирмы Болдуин «Limited», отправился в Америку и вернулся оттуда с достигнутым соглашением. Какое это произвело впечатление, я расскажу вам словами Ллойд-Джорджа. Уж слишком они хороши, чтобы их не стоило узнать. Он заявил:

«Мурашки забегали по спине англичанина, когда ему было официально сообщено, что британское правительство окончательно сговорились на том, чтобы в течении 60 лет выплачивать свыше 30 миллионов фунтов стерлингов в качестве погашения, по принятым на себя Англией от имени наших союзников долгам, притом без взыскания какой-либо компенсации с наших должников в ограждении интересов английских налогоплательщиков».

И неудивительно, что даже по спине такой могущественнейшей капиталистической державы, как Англия, побежали мурашки. Как? Держава-победительница должна платить своему союзнику в войне 300 миллионов рублей

золотом в год, не получая ни гроша не только от злой России, но и от добрых союзников,—Франции и Италии? Из налогов, которые взимаются в Англии, и которые превышают налоги, платимые буржуазией какой-либо другой страны, около 10 процентов идут на уплату процентов по долгам союзников Англии. Десять процентов английских налогов,—на уплату процентов, каковых союзники, со своей стороны, не вносят Англии! Таким путем Англия старалась достигнуть политического сближения с Америкой. Но это не было единственным последствием банкротства плана Ллойд-Джорджа. Вторым последствием было то, что Англия должна была спросить себя: *чего ждать дальше со стороны Франции?*

Рурский вопрос и Англия.

Америка отказалась произвести давление с помощью доллара на Францию, чтобы эта последняя либо заплатила долги, либо выразила готовность уменьшить свое вооружение, понизить опасность войны в Европе и сократить бремя германских репараций. Перед Англией стоял, следовательно, вопрос, какими средствами она располагает для борьбы с Францией. И тут-то ей пришлось подвести в военном смысле в высшей степени печальный итог. Сила Англии была в том, что она—островное государство. Ни планы Наполеона о вторжении, ни такие же планы Германии не осуществились. После войны Англия должна была констатировать, что она *перестала быть островом.* Развитие воздушного флота, развитие за время войны химической промышленности, сложенное с развитием того же воздушного флота,—наградило Англию не одной ахиллесовой пятой: Англия вся состоит теперь из ахиллесовых пят. Если вы прочтете книгу майора Лезебрука, посвященную развитию химической войны,—а майор Лезебрук был одним из руководителей по снабжению Англии химическими средствами борьбы в империалистическую войну,—то невольно напрашивается заключение, что с *помощью*

своего воздушного флота Франция в состоянии уничтожить промышленные центры Англии. Отношение воздушного флота Англии к французскому воздушному флоту, вопрос о котором, как вам известно, обсуждался 23 марта в английской верхней палате, катастрофическое. Англия в апреле 1923 г. располагает 35-ю эскадрильями с 529 летательными машинами. 29 эскадрилий находятся в колониях — в Египте, Индии, Палестине, Месопотамии, Константинополе и т. п. Воздушный же флот Франции должен к 1925 г. состоять из 2.163 машин, из которых 1.772 уже построено; следовательно, Франция в воздухе втрое сильнее Англии. Поистине, каприз истории: франко-фильская клика в Англии, во главе с «Морнинг Пост», ведет теперь кампанию в первую голову за усиление английского воздушного флота. Так или иначе, лорд Грей был вынужден со всем хладнокровием заявить во время дебатов в английской верхней палате: Англия не может рисковать разрывом с Францией. При таком положении вещей перед Англией возникла проблема: *что же предпринять дальше в вопросе о репарациях?* Доллар стоил 9.000 марок, и было ясно, куда это ведет. Была созвана Парижская конференция. Англия представила ей программу, не более благоприятную для Германии в отношении цифр, чем французское предложение: но эта программа не давала Франции гарантий и последняя отклонила это предложение. Германский же план и вовсе не рассматривался. Бонар-Лоу, так же, как и Пуанкаре, отлично знал, что германский статс-секретарь Бергман ждал с этим планом в передней, но его не впустили. Многие думали, а добродушные немецкие обыватели думают и сейчас, что это было комедией заблуждений. Англичане требовали от Германии больше, чем французы, и довели дело до разрыва с этими последними; англичане так сильно хотели спасти Германию и, тем не менее, зная, что Бергман дожидается тут же, не впустили его.

Ларчик открывается весьма просто. Англия проводила в Париже провокационную политику. Она хотела, чтобы Франция стала действовать сама и оккупировала Рурскую

область. План был ясен. Если Англия не в состоянии отразить французский империализм, *то нужно дать этому последнему сломать себе шею о сопротивление немцев.* Английское правительство отлично знало, что оно не сможет примириться с продолжительной оккупацией Рурской области французскими войсками. Если Франция останется в Рурской области, то, благодаря соединению немецкого угля с рудами Лотарингии и Брие, будет создана база не только для французского милитаризма, но и для экономического господства французского капитала над всей Европой,—во всяком случае, до Березины. Англичане прекрасно сознают, что им нельзя допускать до этого. Но их маневр был рассчитан как-раз на то, чтобы заставить французский план разбиться о подводные камни своей затеи. Англия знала, что с падением мелкобуржуазного германского правительства, с падением Вирта, у власти стало правительство крупной индустрии, что германская народная партия,—партия крупных промышленников, которая годами нападала на политику выполнения,—не может остаться у власти, не попытавшись оказать сопротивления. А за этим сопротивлением стояла Англия. Английская политика была такой политикой провокации, примеров какой в истории немного. В Лондоне заявляли о нейтралитете, а в Берлине английский посол *лорд д'Абернон* являлся двигательной силой, подстрекавшей германскую буржуазию к сопротивлению. Говорят, что лорд д'Абернон, бывший ранее председателем правления «Оттоманского государственного долга», не только проявляет большой интерес к красивым женщинам и лошадям, но является также крупным финансистом, спекулирующим на берлинской бирже на падение марки. Мы, испытывая глубокое уважение к английским лордам, убеждены, что никто из них никогда не допустит подобного смешения политики с финансами. Но каковы бы ни были благородные страсти лорда д'Абернона, в своей игре он преследовал интересы английской политики. *Керзон в Лондоне говорил о невмешательстве, а лорд д'Абернон старался вовлечь Германию в борьбу*, при чем он, конечно, обещал помощь Англии в решающий момент.

Таким образом, Англия рассчитывала, что Пуанкаре сломит себе шею о сопротивление горнорабочих, финансируемое буржуазией, и что в нужный момент *спор будет улажен путем компромисса, вслед за чем будет создан железоугольный трест, но уже при участии Англии и Соедин. Штатов.* Так как Соедин. Штаты и Англия экономически сильнее Франции, то Англия надеялась, что в конечном счете она совместно со слабой в финансовом отношении, но организационно очень сильной германской буржуазией, овладеет господствующими позициями в железоугольном тресте. Этот план был весьма попорчен партнером лорда д'Абернона—германской буржуазией.

Товарищи, то, что происходит за последние полгода на Руре, требует величайшего внимания всего международного рабочего класса. *Оно показывает, что международная буржуазия не только не в состоянии восстановить капиталистическое мировое хозяйство, но что даже буржуазия каждой отдельной страны не в состоянии подчинить частные интересы отдельных своих групп своим общим интересам.* Германская буржуазия представляет теперь собой стаю гиен, грызущихся из-за каждого куска падали. С точки зрения своей классовой международной политики германская буржуазия была чрезвычайно заинтересована в пересмотре Версальского мира. Но она содействовала победе Пуанкаре, ибо каждая клика германского капитализма думала лишь о своей непосредственной выгоде. В чем состояла проблема сопротивления? Она состояла в том, чтобы кормить немецких рабочих в Рурской области до тех пор, пока Пуанкаре поймет невозможность для себя сломить сопротивление горнорабочих. Вместо этого, германская буржуазия, не переставая вопить о национальной обороне, вела политику, которую я вам продемонстрирую на нескольких фактах. Германская буржуазия получила от государства много миллиардов бумажных марок в качестве «рурской субсидии», чтобы платить рабочим, когда они не будут работать. Она получила 200 миллиардов бумажных марок для учета своих торговых векселей. Это—200 миллионов марок золотом. Германская буржуазия получила почти

треть золотого фонда Германии, чтобы иметь возможность покупать дешевую валюту, а с ее помощью дешевый уголь. Доллар, поднявшийся в конце января до 49 тысяч, был понижен до 20 и 19 тысяч. Германская буржуазия пришла,— как наш референт по вопросам экономической политики тов. Павловский еще подробно изложит в особой статье в «Коммунистическом Интернационале», — к одному окошку банка, получила в кредит бумажные марки, а затем отправилась к другому окошку банка и получила дешевле, чем за полцены, доллары. Когда было выкачано более 300 миллионов марок золотом, пошла поднятая Стиннесом дикая спекуляция вокруг покрытия в долларах. Последствия известны. Согласно сегодняшней телеграмме, доллар стоит уже 100 тыс. марок. Германская буржуазия отказалась от сопротивления. Она взвинтила теперь все цены так, что даже при удесятерении заработной платы рабочий класс был бы едва в состоянии покупать то, что он получал за свои деньги до оккупации. С помощью германского правительства германская буржуазия попыталась понизить заработную плату. 8 марта «Агентство Вольфа» открыто заявило: теперь заработная плата должна быть понижена. Во всех переговорах предпринимателей с рабочими представители правительства высказывались за понижение оплаты труда. Результат был тот, что немецкие рабочие в оккупированной области не получили с 8 февраля никаких повышений заработной платы, в то время, как заработная плата чиновников была повышена. Последствием этого явилась стихийная волна забастовок, сначала в Рурской области, а затем и во всей Германии,—забастовок, которые, как вам известно, привели к тому, что представитель германского правительства д-р Лютербек, ссылаясь на достойный пример Тьера 1871 года, обратился к генералу Дегутту с просьбой оплатить вексель, подписанный французской буржуазией в 1871 г. В 1871 г. Бисмарк помог сокрушить Парижскую Коммуну и поэтому Лютербек требует: теперь помогите вы подавить восстание в Рурской области. Этот документ, который не только германская партия, но и все партии Коммунистического Интернационала

должны были бы распространить по всему миру, как классический документ *предательства буржуазией стремлений к национальному освобождению*,—является доказательством того, что буржуазия отказалась от сопротивления французскому империализму. И если имперский канцлер Куно, две недели спустя после письма д-ра Лютербека, сказал в своей речи в Мюнстере: сопротивление еще не окончено, мы будем его продолжать,—то это является попыткой restitutis in integrum, восстановления девственности, которое в истории, увы, не удается. Германская буржуазия готова капитулировать перед Пуанкаре за счет германского пролетариата. Она сделала германскому правительству такое предложение: тяжелая индустрия, торговый капитал и сельское хозяйство согласны вносить ежегодно 500 миллионов марок золотом для уплаты репараций, при условии отмены 8-часового рабочего дня, передачи железных дорог промышленникам, отмены закона об охране квартиронанимателей и запрещения вывоза, т.-е. при условии, что капиталисты получат право распродавать Германию уже не только в розницу, но и оптом. Так как пролетариат оказался не в состоянии захватить реальные ценности буржуазии, то эта последняя захватывает буржуазное государство в подлинном смысле слова, отнимая у него все самостоятельные экономические источники и возлагая на пролетариат все тяготы.

Нам кажется, что поражение германской буржуазии в Руре, что победа Пуанкаре теперь уже фактически достигнуты, но еще формально не завершены. Под вопросом только то, пожнет ли Пуанкаре сам все плоды победы, или должен будет уступить часть добычи Англии, которая, разумеется, делает вид, будто она опять спасает Германию. Германская буржуазия неспособна даже на капитуляцию. Она спустила против французов всех псов национализма и теперь уже не может с ними справиться. Она хотела осуществить капитуляцию, попытавшись спровоцировать восстание коммунистов в Рурской области, чтобы с воплем: «коммунисты открыли Франции фронт»,—раздавить коммунистов и бросить против рабочего класса фашистов

и националистов, часть которых была бы не прочь выступить и против правительства. Благодаря бдительности германской коммунистической партии, план этот провалился, и германская буржуазия не знает, что же дальше делать. Ее предложение—предложение о порабощении Германии, при чем для себя она добивается роли надсмотрщика над рабами. Она не предоставляет французам возможности самим вести эксплоатацию Германии, а французский империализм опасается, что гарантии останутся лишь клочком бумаги. При таком положении вещей будет заключено соглашение, отдающее Германию на произвол империалистов Антанты. Возможно, однако, и то, что положение останется неразрешенным еще в течение многих месяцев. Когда началась борьба в Руре, Пуанкаре произнес речь по поводу германского предложения об определении суммы платежей Германии международной комиссией банкиров. По своему тону речь эта напоминала ноту Чичерина. Он заявил, что Франция никогда не допустит, чтобы международные финансисты определяли, сколько Франция должна получить, и что ей необходимо. Эта социалистическая тирада господина Пуанкаре по адресу международного финансового капитала была направлена *против Америки и Англии*. Ясно, что в таком международном комитете английские и американские банки играли бы решающую роль, являясь главными заимодавцами. Если Франция победит в Руре, то это, конечно, не означает, что тем самым совершенно устраняются американский и английский капитал. Но так как Франция заявляет, что она не уйдет из Рурской области, пока Германия не уплатит, то это значит, что объект эксплоатации в порядке военной оккупации у нее в лапах, чем, таким образом, ослабляется давление доллара и фунта. Примет ли борьба в Руре революционные формы, будет ли труп пассивного сопротивления отравлять воздух, или же состоится новое соглашение,—как бы то ни было, одно ясно: полгода рурской войны отбросили хозяйство Германии на целые годы назад. Уже одно только регулирование заработной платы на основании цен на товары означало бы революцию в области оплаты труда. Положение герман-

ских финансов безнадежно. Надежда германской буржуазии на американский заем была мыльным пузырем. Мы знали это, когда мы требовали займа в Генуе, и не верили в подобный заем, а германская буржуазия в него верила. А теперь выступает друг немцев *Кейнс* и заявляет в лондонской «Nation» германской буржуазии, что она в лучшем случае может рассчитывать на благотворительный заем, на милостыню, за которую можно разве только купить сигар, но отнюдь не облегчить финансового положения Германии. Это значит, что Германия идет навстречу грандиозному экономическому краху, это значит, что Англия надолго лишается одного из своих крупнейших покупателей. И тут я прихожу к связи между положением Англии на Руре и ее русской политикой.

Англо-русский конфликт.

Рассматривая основные цифры баланса английской внешней торговли, мы находим следующее:

С 1921 на 1922 год английский экспорт в не-английские страны возрос с 310 до 336 миллионов фунтов стерлингов.

Английский экспорт в английские колонии упал с 208 до 198 миллионов фунтов.

Взятая в целом, торговля Англии с ее колониями возросла со времени войны на 2 проц., что является весьма ничтожной суммой, ибо вы знаете, какое революционизирование цен произошло также и при расчетах фунтами. Результат весьма незначительный, принимая во внимание усилия, которые прилагает Англия, чтобы укрепиться в своих колониях.

Вывоз в Германию, достигавший в 1913 году 29 миллионов фунтов, в 1921—равнялся 12 миллионам, в 1922 году поднялся до 24 миллионов фунтов. Это означает, что торговля с центральной Европой, несмотря на послевоенную разруху, увеличивалась более ускоренным темпом, чем торговля с колониями. Теперь мы видим, что благодаря рурским событиям этот западно-европейский—немецкий рынок идет навстречу громадному и продолжительному развалу, и что это является

1058940

причиной усиления направления лорда Бивербрука,—колониального направления в английской политике, несмотря на то, что против него говорят баланс английской торговли и экономические соображения. Часть английской буржуазии находит, что европейское хозяйство обречено на развал. Поэтому эта часть все больше и больше обращает свое внимание на колонии.

Выражением этой тенденции и явилась нота Керзона, направленная против Советской России. Она была отправлена почти в одно время с передачей Германии ноты, в которой Керзон требует от германской буржуазии, чтобы она платила то, на что претендует Франция, и в которой он наглейшим образом третирует германскую буржуазию. В первый момент показалось безумием, что Керзон выступит одновременно и против Советской России, и против германской буржуазии в таких выражениях. Но в этом безумии была система. Колониальное направление старалось провести свою политику предания Германии Франции с небольшой долей в пользу Англии, чтобы этой ценой заполучить Францию для борьбы против Советской России и чтобы помешать Франции укрепиться в России вместо Англии. Вы спросите: почему вдруг борьба против Советской России, почему перемена политики Англии по отношению к Советской России? Причины этого коренятся, как я уже говорил, отчасти в крахе плана Ллойд-Джорджа, отчасти в ходе развития России, отчасти же на Ближнем Востоке.

Начнем с России. Я уже сказал, что Ллойд-Джордж расценивал новую экономическую политику, как мост, который Советская Россия перекинула к капитализму. Он надеялся на идеологическое и моральное разложение русской коммунистической партии. Правда, в Итоне лорд Керзон не изучал марксизма, но некоторые факты должны быть понятны даже и английскому юнкеру. Это—факты весьма простого свойства. Россия не капитулировала в гражданской войне; она победила с оружием в руках. Но гражданская война нанесла ей тягчайшие раны. К этому присоединился голод. Когда на шее у нас была голодная петля, нам хотели навязать в Генуе капитуляцию. В 1922 году у нас был

средний урожай, мы преодолели голод всюду за исключением тех районов, подвозу к которым мешали транспортные затруднения. Впервые за все это время наши рабочие питаются сносно и, как я имел случай убедиться на опыте, *лучше германских рабочих*. В этом году нами вывезено 23 миллиона пудов хлеба. Если в ближайшие годы у нас будет хороший урожай, мы, пожалуй, сможем,—и должны будем,—вывозить 150—200 миллионов пудов ежегодно, чтобы дать возможность крестьянину расширить свою запашку. Цены на хлеб столь низки, что крестьянин вынужден будет ограничить площадь засева, если у нас не будет вывоза. С точки зрения своего освобождения от американской монополии в деле поставки ей сырья и хлеба Англия должна была бы это лишь приветствовать. Но с точки зрения английской мировой политики—стремления Англии поставить Россию на колени—что значат эти 150 милл. пуд. хлеба?!. 150 милл. пуд. хлеба—это 150 милл. золотом, это значит, что крестьянин, уже теперь в качестве покупателя продуктов легкой индустрии дающий ей возможность подняться, получив за свой хлеб деньги, обеспечит этой индустрии возможность дальнейшего развития. Советское государство, которому принадлежит монопольное право внешней торговли, извлекает из экспорта деньги для технического снаряжения Красной армии.

Больше того, Ллойд-Джорджу новая экономическая политика представлялась желательной: но новая экономическая политика — основа укрепления Советской России на Ближнем Востоке. От Тегерана до Нижнего ближе, чем до Лондона через Абушир. От Кабула до Нижнего ближе, чем до Калькутты и Лондона. А восточные народы уже свыклись с русскими товарами: еще до войны продукты русской промышленности стали побивать на Ближнем Востоке английские. Нам ясно, что даже и в том случае, если Советская Россия не только откажется от пропаганды, но и, подняв руки к нему, поклянется, что лорд Керзон—величайший друг восточных народов, экономическая эволюция все же будет укреплять позицию Советской России на Востоке. Это, по мнению Керзона, ставит под угрозу упорно проводимую им в силу всего прошлого политическую линию: линию укрепле-

ния связи с колониями, в первую очередь с Индией. В 1910 году, в своей речи о роли Индии в Британской империи лорд Керзон заявлял, что Персия и Афганистан—оборонительный вал Индии. Интересы английского капитала требуют не занятия этих стран, а воспрепятствования укреплению в них влияния России. Советская же Россия, в противоположность царизму, не стремится ни к военному, ни к экономическому господству над Персией и Афганистаном. Но еще больше боится лорд Керзон, чтобы идейное влияние Советской России не вывело эти страны из состояния политической безжизненности и не помогло им стать господином в собственном доме. В этом величайшая угроза для английского империализма. Старая царская армия угрожала английскому владычеству в Индии извне. Если персы и афганцы станут свободными народами, это будет способствовать укреплению врага английского империализма *внутри* его индийского оплота.

Вот почему лорд Керзон сказал себе: или нам удастся поставить Советскую Россию на колени, ввести ее в фарватер английской политики и исключить из числа решающих факторов на Востоке, или нам придется провоцировать войну раньше, чем Советская Россия станет для нас слишком опасной. Как вам известно, Англия любит вести войну чужими руками. Пресловутые телеграммы итальянского представителя в Москве, Амадори, совершенно недвусмысленно разоблачили английский план. Амадори, маленький, лишенный политического значения чиновник, не мог быть автором подобных планов. Он отражал мнение представителей капиталистических государств вообще. План лорда Керзона сводился к следующему. Англия и Италия отходят в сторону, оказывая в тоже время давление на своих вассалов т.-е. на державы, примыкающие к Балтийскому и Северному морям. На стороне Москвы останется лишь Германия, но, полагает Керзон, германская промышленность разрушается и не обладает достаточными средствами для закупки хлеба и сырья. Теперь, после своего поражения на Руре, она не будет в состоянии поставлять России также и товаров своего производства. В телеграмме Амадори так и говорится: Россия будет отрезана от валютных источников. Итак, финан-

совая и экономическая блокада России. Затем Амадори спрашивает: как сложатся отношения России к соседним государствам? Пассивная оппозиция после разрыва усилится, перейдет в активную; это значит, что петлюровцы, эсеры, грузинские меньшевики и весь прочий сброд получают новые фунты стерлингов. Они будут пропущены через румынский и польский фронты. А затем,—так предполагал Керзон,—мы подумаем: не лучше ли нам, вместо того, чтобы смотреть, как они уничтожают нашу жатву, самим совершить рейд на Запад?

Английская политика стремилась спровоцировать войну между нами и Польшей. Вот почему начальник английского генерального штаба граф Каван, вслед за свиданием в Риме с Муссолини, направился прямиком в Варшаву, чтобы сказать польскому правительству: в 1920 году вы потерпели военное поражение благодаря молодости вашей армии, вашей плохой организации и отсутствию поддержки со стороны Англии. Поддержка Англии вам теперь обеспечена. Итак, план сводился к вовлечению нас в новую войну с Польшей, в результате которой мы,—как рассчитывал Керзон,—вынуждены будем увеличить налоговое бремя, что вызовет недовольство крестьянства; таким образом, Керзон надеялся, что экономические тяготы новой войны окончательно взорвут нас. Вторая надежда его была построена на болезни Ленина. Товарищи, мы—последователи исторического материализма, но лорд Керзон, совершавший на слоне путешествие в Дельфы,—сторонник культа героев. И он убежден: раз Ленин болен, то все мы потеряем голову. Мы расцениваем роль тов. Ленина выше, чем это доступно пониманию лорда Керзона. Но его расчеты строились без знания 25-летней истории нашей партии. Председатель Исполкома, тов. Зиновьев, говаривал мне частенько,—а я и Бухарин это оспаривали,—что нам нужно ждать еще новых интервенций, что наши противники при помощи штыка станут пробовать, чего мы стоим в отсутствии тов. Ленина. Как-то, в последнее время, за границей, беседуя с одним весьма умным американским журналистом, я спросил его: «что заставляет лорда Керзона хотеть войны—

боязнь, чтобы мы не усилились, или убеждение в нашей слабости». Он мне ответил: «Керзон боится, как бы вы не стали чрезмерно сильны, и потому желает испробовать, чего вы стоите при временном отсутствии Ленина». Английская политика была построена в расчете на раскол и распад нашей партии, в результате новой экономической политики.

Мне не зачем описывать вам здесь, какими приемами пользовался лорд Керзон с целью вызвать разрыв с Советской Россией. Сказки о тайных заговорах, составляемых нами на Востоке. Не правда ли, как прекрасно звучат они из уст представителя того правительства, которое в период войны, будучи союзником царской России, неслыханнейшим образом интриговало против нее?!. (Английские документы, перехваченные немецкими агентами в июле 1916 года и опубликованные в Берлине в июле 1917 года, доказывают это неопровержимейшим образом). Распространяться об этом не стоит. В данный момент гораздо важнее проанализировать исход этой истории.

Политика Советской России вам известна. Она заявила: если лорд Керзон хочет войны, пусть *сам ее ведет*. Мы же на сей раз покорно благодарим. Советская Россия увидала расставленную ей ловушку. Совершенно ясно: нас хотели оскорбить, рассчитывая, что чувство чести не позволит нам уклониться от разрыва.

Товарищи! Мы — правительство рабочих и крестьян. Когда по истечении десяти лет мы, как я надеюсь, сильно окрепнем, а вместе с нами и весь европейский пролетариат, мы, быть-может, выдумаем специальный церемониал, которым должны будут руководиться в обращении с нами лорды Керзоны, если только они в ту пору, вообще, еще будут существовать. Вы знаете, что когда-то Япония, обособляя себя от капиталистического мира, потребовала от голландских купцов, чтобы они при прибытии в японские порты соблюдали определенный церемониал. Может-быть, в будущем введем подобный церемониал и мы. Теперь же мы говорим себе: дело не в церемониях и не в престиже, а в следующем: лорд Керзон хочет войны, мы же *вообще никакой войны не хотим*. Если же ее нам стремятся навязать, то

мы не хотим воевать теперь, а тогда, когда при минимальных жертвах сможем доказать, что с Советской Россией шутить опасно.

Лорд Керзон трубит на весь мир, что он одержал победу. Хотя Советская Россия и отказалась отозвать своих послов, но 130 тысяч рублей золотом она уплатила и обещала не вести коммунистической пропаганды в английских колониях. 130 тысяч рублей золотом—приличная сумма, но в своем торжестве лорд Керзон позабыл одно.

С меднолобой ограниченностью, в которой итонские воспитанники превосходят потсдамских, он упустил из вида два обстоятельства. Одно из них—Россия. Лорд Керзон, сидевший в качестве вице-короля в Индии,—отец индийского национального движения. Его политика раздела Бенгалии на целые годы ускорила развитие революционного движения в Индии. В Советской России, где рабочий класс утвердил свою диктатуру, неотъемлемой частью этой диктатуры является национальное самосознание. Граф Мирбах и генерал Гофман были воспитателями национального русского народа. Когда мы,—в ту пору наивные, глупые левые коммунисты,—сражались с нашим учителем Лениным и не хотели подписывать Брестского договора, тов. Ленин нам говорил: что можете вы сказать о Брест-Литовском договоре,—ведь, это пока—простой клочок бумаги. *Мы переживем величайшие унижения, и тогда революционные массы России поймут, что необходимы средства для самозащиты, а Гофман и Мирбах окажутся воспитателями национального чувства масс.* Лорд Керзон старается продолжать этого рода воспитательную работу, и мы от него не скроем: мы сумеем перевести на популярный русский язык смысл беседы лорда Керзона с представителями 150-миллионного народа так, что он станет понятен самому последнему крестьянину. Но лорд Керзон не делает и в отношении Востока надлежащего вывода из ликвидированного ныне конфликта. Он полагает, что Восток скажет себе: «Советская Россия боится войны с Англией, она не может нас защищать», и станет лизать сапог лорда Керзона. Лорд Керзон недооценивает положение на Востоке. Народные массы Востока пой-

мут, что представитель Советской России тов. *Воровский* пал в борьбе *за их освобождение*. Они поймут, что мы подвергались опасности войны потому, что английский империализм видит в Советской России друга народов Востока. Народы Востока знают, что мы остаемся тем, чем были. И выводы, к которым придет Восток, будут направлены *против лорда Керзона*. Лорд Керзон хотел разрыва, он грозил им еще в воскресенье, уже имея в руках нашу последнюю ноту, *но порвать не смог*, хотя мы в конечном счете и отказались отозвать наших послов.

Разрыв ему не удался благодаря мудрой политике Советской России, убедившей не только английскую рабочую партию, но и обе английские либеральные партии в том, что войны хочет лорд Керзон, а не мы. Лорд Керзон не смог осуществить разрыва, потому что входящие в состав английской консервативной партии промышленники задумались над тем, к чему это поведет. Достаточно почитать статьи Гарвина в «Обсервере», чтобы видеть, что в лагере консерваторов существует разногласие. Керзон оказался разбитым в своей собственной партии, так как промышленные круги не желали проделывать вместе с ним скачка в неизвестное. С своей точки зрения они были совершенно правы. Разрыв означал бы борьбу по всей линии, и английскому империализму пришлось бы почувствовать ее не только там, где он этого, пожалуй, хотел, но и во всей области английского владычества в Азии. Отступление Керзона, его отказ от требования отзыва русских послов из Кабула и Тегерана были результатом не только сопротивления, оказанного английскими промышленниками, но и *крушения его надежд на солидарность союзных и нейтральных держав*. Италия, на которую он в первую очередь рассчитывал, отошла в сторону. Италии нужна Россия по тем соображениям, что она здесь может получить хлеб в обмен на продукты своей промышленности, в то время, как в Америке ей приходится уплачивать за него золотом. Франция непосредственно после ноты Керзона допустила в Марсель делегацию русского Красного Креста и послала торговую комиссию в Москву. Это отнюдь не означает, что она окончательно реши-

ла занять в Москве место Англии, а означает лишь то, что в этом конфликте Керзона с Россией Франция не идет целиком за Керзоном. Дания подписала русско-датский торговый договор тоже в период русско-английского конфликта. Лондонский либеральный «Дейли Ньюс» был прав, когда 5 июня писал:

«Эти документы показали мыслящим и непредубежденным людям всех партий, что разрыв между Великобританией и Россией имел бы тяжкие последствия на востоке Европы, и что экономические интересы той и другой страны диктуют дальнейшее продолжение торговых сношений при помощи всех законных средств; упорядоченные политические отношения между обеими странами будут содействовать развитию торговли; развитие торговли, в свою очередь, будет содействовать упорядочению политических отношений. Такой взгляд на дело завоевывает свое право гражданства не только в Англии. *Итальянское правительство тотчас же отозвало из Москвы своего представителя, скомпрометированного весьма нескромными выступлениями по вопросам русской политики. Одновременно с этим получено сообщение о прибытии в Москву французской торговой комиссии. Мы не сомневаемся, что английское правительство поймет истинный смысл этих событий. Они показывают, куда дует ветер с Запада*».

Лорд Керзон не достиг своей цели. Ему не удалось ни добиться разрыва с Советской Россией, ни ввести ее в фарватер английской политики. Он только глубочайшим образом задел национальное чувство русских народных масс. Отказываясь от установления добропорядочных отношений с Советской Россией на Ближнем Востоке, правительство Великобритании *этим самым сознательно сохранило зародыш новых конфликтов.* Придя в ярость от того, что Советская Россия не помогла ему основать на русской почве капиталистически-феодальное княжество, Лесли Уркарт, промышленный заправила интервенции, снова потребовал от английского правительства разрыва с Советской Россией в случае, если она не вернет английским капиталистам фабрик и не уплатит долгов. Этим самым Уркарт обнаружил, поче-

му часть английских промышленников готова поддержать восточно-колониальную политику Керзона в его борьбе против Советской России. Советская Россия не даст себя поставить на колени. Она не остановится и перед борьбой, если иностранная держава будет посягать на завоевания Октябрьской революции. Вот почему мы считаем русско-английский конфликт сигналом, возвещающим огромную опасность, и говорим международному пролетариату: *опасность новой интервенции не исключена!* Поражение Керзона показывает, как скрещиваются тенденции: крушение Германии и перевес колониального течения имели результатом ноту, обращенную к России, но английские промышленники не хотят окончательно отказаться от Европы и ищут путей спасения своей торговли с центральной Европой. Колониальное течение терпит поражение. Основываясь на опыте великой всемирной войны, мы можем сказать, что один акт закончился, но что мы—накануне новых боев.

Развал Европы, развал капитализма продолжается. Рурский кризис и события в Гааге доказали, что единственной державой, знающей, чего она хочет, не дающей себя спровоцировать, ясно понимающей, куда ведет путь, является первое рабоче-крестьянское государство—Советская Россия. Другие же не знают, что им делать.

Лозанна.

Россия—не единственная угроза английскому империализму,—второй его враг на Востоке: это—*растущий магометанский мир, опасный тем, что у него есть пункт государственного сплочения—Турция*. В независимой Турции живет лишь 8 миллионов людей, но, ведь, кроме этого, имеется еще 60 миллионов магометан-индусов, и борьба Турции за независимость играет роль первоклассного революционного фактора, усиливающего существующее среди индусов-магометан брожение и возбуждающего Индию против ее угнетателя—английского империализма. Вот почему Англия пытается задавить Турцию, вот почему она натравила на нее

своего греческого вассала. Турция вышла победительницей. Война греков против Турции была составной частью программы Ллойд-Джорджа: она сводилась к соглашению с Россией, вступающей на путь капиталистического развития и отказывающейся от своей революционной роли на Востоке, и—в качестве компенсации—к разгрому Турции. Ллойд-Джорджу не удалось склонить Россию на сторону капитализма, не удалось ему и разбить Турцию. Керзон пытался разорвать революционный фронт на Востоке по другой линии. Он вернулся к политике своего старого учителя—лорда Биконсфильда: *борьба с Россией, мир с Турцией*. Турция в настоящее время слишком слаба, чтобы отвоевать Месопотамию и Аравию, т.-е. вернуть то, что у нее отнято Англией. Согласно расчету Керзона, легче подкупить 8 миллионов турок и через их посредство сохранить свое влияние в завоеванных областях, чем достигнуть соглашения с Советской Россией. Такая политика Керзона привела в Лозанне к поразительнейшей смене декораций, какую только знает дипломатия. Французы явились в Лозанну в качестве «друзей» турок и пытались использовать последних в игре против Англии. Кончилось тем, что французы стали врагами мусульман, а Керзон их пророком. Произошло это под давлением фактов. Франция в былое время являлась кредитором Европы (60% турецких долговых обязательств находятся в руках французов). Французский рантье ссужал деньги восточным странам. Главным заимодавцем Турции была Франция, а не Англия. При открытии Лозаннской конференции главнейшими вопросами были не территориальные вопросы касательно Аравии и Месопотамии, а вопрос о размерах и гарантиях уплаты долгов. И тут-то дипломатическая игра Франции оказалась сорванной. Англия принялась весьма мудро за обсуждение в первую голову английских дел, упиралась, шла на уступки, а в заключение лойяльно «поддержала» Францию в ее требованиях. Срыв первой Лозаннской конференции был вызван финансовыми требованиями, предъявленными французами. Англия пыталась утвердить свое влияние в Ангоре не только с целью сведения на-нет революционного значения Турции, не только, чтобы выбить

Францию из седла на Ближнем Востоке, но и по иным соображениям. Дружеские связи с Турцией обеспечивают ей Моссул ценой ничтожных экономических уступок господствующему в Турции слою. Обеспечив за собой моссульскую нефть, можно пытаться *использовать Турцию против Баку*.

Преследование Керзоном этой цели, повидимому, объясняется, как я уже указал в своем последнем докладе, непониманием существующего на Востоке положения. Населенная 8 миллионами жителей Турция с 1909 года не выходит из состояния войны. По словам товарищей, посетивших русские голодающие районы, положение турецких крестьян хуже виденного ими в России. Лишь благодаря величайшей энергии, проявленной правительством, и глубокой уверенности крестьян, что они борются за свою национальную независимость, Турции удалось одержать победу в войне с Грецией. Попытка повести этих крестьян на борьбу против кого-либо, не нападающего на Турцию,—это ход, который закончился бы подобно греческому ходу Ллойд-Джорджа. Лорд Керзон считается лучшим в Англии знатоком Востока. Орган фабианцев «The new Statesman» писал, что Керзон знает о Востоке все, кроме того, что же, в сущности, надо делать. Лорд Керзон полагает, что Турция и поныне та же, что во времена Абдул-Гамида. Но достаточно взять пару фактов из жизни Турции, чтобы понять, сколь ошибается Керзон. В Турции, где сила религии больше, чем в Европе, и где султанат на протяжении веков был связан с калифатом, что сообщало ему религиозную святость, англичане, захватив султанат и низложив султана, тем отделили султанат от калифата, а муллы оказались не в состоянии создать на этой почве крупное антиправительственное народное движение. Когда на съезде в Баку мы включили в состав президиума одну женщину, восточные коммунисты высказали нам соображение, что лучше было бы этого не делать: на Востоке женщина не должна присутствовать на собрании мужчин; нам следует щадить этот предрассудок. Когда теперь читаешь, что в происходившей в Смирне экономической конференции принимали деятельное участие 300 женщин, факт свидетельствующий что женщины, следователь-

но, вовлечены в политическую жизнь; когда слышишь, что организованный правительством смирнский съезд распался на классовые группировки, что рабочие сражались там с купцами, а купцы с крестьянами,—то видишь, что эти годы борьбы имели результатом *глубокое социальное расслоение Турции, и что, следовательно, в корне неправильно оценивалось положение дел на Востоке так*, как это делал лорд Керзон, полагая, что достаточно формулировать английскую волю в совренах, чтобы стать сувереном Турции.

Больше того, Советская Россия поддерживала революционную Турцию не из доверия ко всякому паше, назвавшему себя однажды народным комиссаром и пославшему телеграмму Ленину, но в силу глубокой уверенности, что интересы русского крестьянства совпадают с интересами восточного, и что интересы Советской России солидарны в этом отношении с интересами международного пролетариата. В результате этой поддержки народные массы Турции видят в России не врага, а *единственную державу, которая помогла им в тяжелое время*. Мы считаем, что, цепляясь за идеи лорда Биконсфильда, лорд Керзон уподобляется человеку, который, согласно русской поговорке, на свадьбе поет заупокойную, а на похоронах—свадебную. Один из лучших публицистов Англии, Сайдоботсом (Sidebothom), в одной из своих статей говорит, что лорд Керзон по своим идеям принадлежит прошлому столетию. К сожалению, нам пришлось не только ликвидировать царизм в России, и бороться с русской помещичьей идеологией прошлого столетия. Повидимому, приходится и в Англии еще убирать представителей идей XVIII века. Это—весьма тяжелая обязанность. Во всяком случае, мы уверены, что новая политика, опирающаяся на массы, и здесь одержит верх над старым дерьмом, которое извлекает лорд Керзон из прадедовских книг.

Ликвидация Вашингтонского соглашения.

Товарищи, разрешите мне теперь в кратких словах обрисовать вам пятый факт, который инструктирует перемену в международном положении за последние месяцы. *Вашингтон-*

ское соглашение, заключенное в январе 1922 года великими державами, заинтересованными в Восточной Азии, должно было стабилизировать положение на Дальнем Востоке. Россия не была приглашена, не была признана великой державой и не сочтена заинтересованной в Восточной Азии, в ответ на что мы уже через несколько недель были во Владивостоке. Великие державы не пришли в Вашингтоне к соглашению о разрешении восточно-азиатского вопроса. Последний является, в первую очередь, вопросом о разделе Китая,—вопросом о том, как поделить Китай между великими державами. Эти последние удовлетворились соглашением не прибегать к новым вооружениям, впредь до заключения окончательного соглашения по этому вопросу. Это временное соглашение уже опрокинуто. «Впечатление таково, что даже соглашение об ограничении вооружений, является результатом переговоров между представителями Англии, Америки, Японии, Франции и Италии, в конце-концов, оказывается *клочком бумаги*»,—пишет в январском номере «Фортнайтли Ревью» («Двухнедельное Обозрение») выдающийся английский писатель по морским вопросам Арчибальд Херд. Вашингтонским соглашением ограничивалось число существующих и запрещалась постройка новых дредноутов. Возникшее благодаря этому соотношение сил было весьма выгодным для Англии и Америки. Но Япония поняла, что это значит. Она поняла, что это равносильно удушению ее в будущем, и хотя и подчинилась Вашингтонскому соглашению, но изменила свой стратегический план. Старый стратегический план предполагал, в случае войны с Америкой, дать сражение в Тихом океане и разгромить здесь американские дредноуты, не допустив их к Филиппинам. Этот план был изменен. Японский стратегический план, как это вытекает из всех военных мероприятий Японии, состоит теперь в том, чтобы дать врагу произвести нападение. Япония прервала постройку дредноутов и принялась строить быстроходные крейсеры и подводные лодки. В 1925 году у Японии будет не менее, чем 25 современных линейных судов и крейсеров, и 70 подводных лодок. Английский эксперт по морским вопросам

Байуотер опубликовал недавно статью, в которой он доказывает, что 153.000 рабочих было занято на японских верфях во время Вашингтонской конференции. Ни один рабочий не был уволен. 153.000 рабочих работают и теперь на японских верфях. Япония переходит к политике обороны в китайских водах, где стратегическое положение таково, что легче проникнуть в Дарданеллы, чем напасть на Японию через Китайское море и Цусимский пролив. Посредством тайного укрепления островов Бонин, произведенного перед Вашингтонской конференцией, Япония еще более укрепила свое стратегическое положение. Соединенные Штаты тоже не теряли времени даром:

«Идеалисты думали,—пишет Арчибальд Херд в цитированной выше статье,—что война 1914—18 гг. будет последней войной. Но, как кажется, она лишь посеяла семя новых войн. Многие нации находятся на краю банкротства, некоторые из них неспособны платить проценты по своим долгам, но это не оказывает никакого воздействия на их вооружения. Духовные и политические вожди Соединенных Штатов заявляют, что они не станут перевязывать раны Европы, пока европейские государства не раскаются и не сократят своих расходов на вооружения. *Но в то же самое время американское правительство требует в бюджете на текущий год 258.552.000 долларов на армию и 289.881.000 на усиление флота*».

Соединенные Штаты приступают к увеличению числа небольших крейсеров, истребителей и т. д., несмотря на то, что им не приходится защищать дальних путей сообщения с разбросанными колониальными владениями, как на это ссылается Великобритания. «Если американское общественное мнение примет это требование, а конгресс его утвердит, то это будет *смертельным ударом* для вашингтонского соглашения»,—пишет Херд.

Со своей стороны, Великобритания начинает восстановление мира с того, что жертвует 9 миллионов фунтов стерлингов на расширение военной базы у *Сингапура*. Это означает не только полнейшее изменение тамошней ситуации

со стороны Англии, но является, как кажется, также шагом по пути сотрудничества Англии с Америкой и как бы ценой, которую Англия платит Америке, как союзнику против Японии. Это будет означать сосредоточение ядра английского флота поблизости от Тихого океана. Таким образом, и Англия обходит Вашингтонское соглашение, запрещающее возведение новых укреплений на Тихом океане. Такое положение на Дальнем Востоке означает *возрастающее обострение американско-японского антагонизма*. Это положение усиливает зависимость Японии от Советской России. Ареной борьбы явится китайская территория. Вся внутренняя борьба в Китае является в большей или меньшей степени борьбой империалистических держав из-за Китая. Россия является соседом Китая вдоль длинной границы. Россия может напасть своими войсками в тыл Японии. Это означало бы, что Япония должна была бы бороться на два фронта. Мир и дружественные отношения с Россией необходимы Японии, чтобы помешать Америке заключить с Советской Россией антияпонский союз. По этой причине Япония склоняется теперь в пользу заключения мира с Советской Россией.

Задачи Коммунистического Интернационала.

Таковы важнейшие новые факты. Разрешите мне теперь сделать из этих фактов несколько выводов.

Первый вывод напрашивается сам собою. Пресловутое восстановление Европы уступило место «Тресту разрушения Европы», как озаглавил свой роман один остроумный русский писатель. Взятая в целом, политика всех капиталистических стран является поистине трестом разрушения Европы. Лучше этого дела не сделать, даже если намеренно добиваться развала Европы. Это снова показывает, что, как мы это и сделали на IV. конгрессе, наша политическая линия *должна строиться в расчете на крупные мировые потрясения*, что, несмотря на наступление капитала, не только нет осно-

ваний констатировать восстановление капитализма, а, наоборот, необходимо признать, что мы стоим *перед все ускоряющимся развалом Европы*.

Американский капитализм временно усилился. В Англии можно констатировать небольшие улучшения в экономическом положении. Но *старый континент*, на котором преимущественно протекает пока-что наша борьба, где существуют крупнейшие революционные противоречия, идет не навстречу покою, а навстречу тяжелым боям. Автор превосходной книги о роли Америки в войне,—книги, которая говорит красноречивее в пользу диктатуры пролетариата, чем многие из наших агитационных книг,—Джон Кеннеди Тернер, говорит в предисловии: «Сложите число солдат и бюджеты на вооружения,—они больше, чем до войны, а поэтому и *опасность войны больше теперь, чем в 1914 г.*». Это—первый вывод.

Второй вывод тот, что единственная твердыня революции—*Советская Россия—находится теперь в опасности*. Именно потому, что мы становимся сильнее, и что надежды капиталистов разложить нас посрамлены, именно поэтому мы в опасности. И мы говорим вам: знайте, что твердыня всемирной пролетарской революции—Советская Россия—находится в постоянной опасности, что Лозанна и нота Керзона—это удары колокола, сигнализирующие опасность. Советская Россия сильна, она будет защищаться и не даст себя сразить, даже в том случае, если будет вынуждена бороться собственными силами. Но от международного пролетариата будет зависеть, будет ли *новое нападение на Советскую Россию отражено одинокой Советской Россией, или же в контр-наступление пойдет весь пролетариат*.

Третий вывод: *германский рабочий класс переживает величайшую опасность, а вместе с ним переживает эту опасность и германская революция*. Зиновьев сказал здесь, и я вполне с ним согласен: «В Германии мы быстро идем вперед». Это несомненно. Разложение германской буржуазии растет с каждым днем, и это создает новую большую полосу опасностей. Германская буржуазия попыталась исказить характер рурской забастовки, превратив ее в рурское

восстание, она попыталась нанести кровавое поражение германскому рабочему классу, прежде чем сама падет его жертвой. Германская партия маневрировала совершенно правильно. Но бедствия рабочего класса так велики, что для партии невозможно будет ограничиться лозунгом: не давайте себя спровоцировать. Ей придется бороться. И в этом-то и кроется *главная опасность*. Германия—крупная колония Франции. Эту колонию невозможно эксплоатировать, когда в ней господствует революция. Поэтому *Франция заинтересована в том, чтобы разгромить германскую революцию*. Если на этот раз предложение Лютербека было отвергнуто, то в следующий раз, когда опасность будет больше, оно будет принято. Германский рабочий класс находится между двух огней: между германской буржуазией, фашизмом, с одной стороны, и французским империализмом—с другой. Здесь необходимо заявить французским товарищам: французская партия еще слаба, она еще молода, но ей предстоит выполнить большие международные задачи.

Четвертый вывод состоит в том, что *революционное движение на Востоке находится в опасности*. Позавчера мы получили известие, что в Тегеране англофильскими элементами на английские деньги свергнуто националистическое, полудемократическое правительство. Каково положение в *Турции*,—ясно. Элементы, работающие в пользу соглашения с Антантой и Англией,—это те же элементы, которые стремятся к подавлению коммунистического движения, так как это последнее становится в Турции центром крестьянского движения. Здесь недостаточно сказать, что мы, русская партия, выполним наш долг, диктуемый нам этой опасностью. Здесь мы должны апеллировать к нашим *английским товарищам*, призывая их обратить внимание на колониальные вопросы; мы должны энергично побуждать их, чтобы они, несмотря на всю молодость своей партии, взяли на себя большую часть работы по поддержке революционного движения на Востоке, ибо, сделав это, *они будут защищать не только это движение, но и самих себя*. Вождь рабочей партии Макдональд сказал в своей речи по поводу ноты Керзона: Если верно, что Советское прави-

тельство поддерживает революционное движение на Востоке, то Керзон прав в своих обвинениях. Если рабочие и крестьяне в Персии, Турции и Индии подумают, что таково мнение английского рабочего, то горе английскому рабочему классу в тот момент, когда он будет бороться за власть, когда все будет зависеть от того, будут ли египетские или персидские крестьяне его врагами или друзьями, и будут ли они поставлять ему хлеб. С этим призывом мы обращаемся к английским товарищам: ведь, они—англичане, а это значит, что они лучше других разбираются в вопросах мировой политики. Они могут стать мостом между европейским пролетариатом и медленно развивающимся рабочим классом и крестьянскими массами Востока.

Таковы мои выводы. Я не предлагаю немедленно сместить Керзона. Этого еще не можем сделать ни мы, ни вы. Мы не предлагаем призывающих к кровавой борьбе воззваний, а обращаем ваше внимание на усложнение политического положения, на грядущие бои и на великое значение работы, которую мы должны выполнить, как мировая партия пролетариата, борющегося за свое освобождение. Мы обратили ваше внимание на работу, которую мы должны проделать не только в час опасности, но и каждый день. Мы пережили в течение этих месяцев факт, ужасающие размеры которого мы даже полностью не осознали; мы видели, как перед оккупацией Рура, перед всеми этими, подготовлявшимися на глазах у пролетариата, сообытиями, в Гааге собрались представители многих миллионов рабочих, — это собрание видело опасности, понимало их и... не пошевельнуло пальцем. *Мы вторично пережили 1914 год, и в этом главный урок.* Если бы у буржуазии хватило решимости, то произошла бы *новая война без революции. Мы были бы не в состоянии ей воспрепятствовать.* Для этого мы слишком слабы. Необходимо, по крайней мере, постичь все значение этого факта и сделать из него вывод, что мы обязаны обращать в тысячу раз больше внимания, чем до сих пор, на вопросы мировой политики и не в качестве зрителей, а в качестве пролетарских борцов.

II.

Ослабление наступления капитала и задачи Коминтерна.

(Речь, произнесенная на сессии бюро Коминтерна 13 июля 1923 г.).

На сессии расширенного пленума в докладе, посвященном мировому политическому положению, я уже обрисовал международные политические отношения за последнее полугодие. Я не буду здесь повторять уже сказанного мною в докладе,—в ближайшие дни он выйдет из печати. Сделаю лишь пару дополнений, необходимых в виду наблюдавшегося со времени расширенного пленума дальнейшего развития событий.

Международное положение.

В качестве такого рода добавлений к докладу, укажу на три факта: *англо-французскую борьбу вокруг Германии, направленные против Франции подготовительные работы Англии по организации воздушного флота и, наконец, на значение создаваемой англичанами морской базы в Сингапуре.* Какое же изменение вносят эти факты в набросанную нами в период расширенного пленума картину положения? Товарищи, факты эти нисколько не меняют картину и лишь усугубляют ее. Характеризуя в нескольких словах тогдашнее положение, можно сказать, что типичнейшим признаком его было, с одной стороны, обострение противоречия интересов Англии и Франции, противоречия, достигшего теперь невиданных еще размеров, с другой стороны,—полнейший развал центральной Европы, с третьей—обострение положения на Дальнем Востоке. Таковы три характерные черты отношений между капиталистическим государствами.

Принявшая в последние недели явно острые формы, англо-французская борьба вновь пробудила в Германии надежду на помощь со стороны английской буржуазии. Борьба эта как-будто противоречит высказанному мною в докладе утверждению, что Англия махнула рукой на Германию, предоставляя ее усмотрению Франции. Такого рода вывод был бы неправильным. Английское правительство борется отнюдь не за спасение Германии, а за то, чтобы при предстоящей капитуляции, были приняты в расчет и интересы Англии. Английское правительство добивается, чтобы в момент германской капитуляции Франция, диктуя свои требования германской буржуазии, руководилась не только собственными интересами, но приняла во внимание и интересы английской промышленности и английской буржуазии. Как далеко может пойти Англия в этой борьбе? Ответом на это служит предъявленное английским правительством парламенту требование санкционировать новые крупные кредиты на созидание английского воздушного флота. Самым фактом этого требования английское правительство признает себя в области военной авиации отсталым, а так как борьба в воздухе будет иметь решающее значение в грядущей войне между Францией и Англией, то несомненно, что английское правительство в данный момент не может пойти на разрыв с Францией. Его дипломатические ходы служат проявлением борьбы за признание английских интересов, но отнюдь не свидетельствуют о близком разрыве между Англией и Францией. В данный момент еще нельзя предвидеть степени развития и форм этой борьбы. Ясно одно: мы переживаем не канун войны между Англией и Францией, а лишь период дипломатических конфликтов и вооружений, могущих в будущем привести к войне. Новый скачок доллара в Берлине на 100% вверх в течение одного месяца сулит мало хорошего Германии. Борьба может лишь затянуть процесс развала Германии. Даже в момент, когда две борющиеся за гегемонию державы вцепились в волосы друг-другу, германская буржуазия не в состоянии справиться с положением, хотя бы и ценой отдачи себя в кабалу Франции.

Что касается третьего вопроса,—положения на *Дальнем*

Востоке,—то дискуссия на страницах английской печати по вопросу о создании морской базы в Сингапуре совершенно недвусмысленно показывает, что база создается в качестве оплота против Японии. Полковник Репингтон без обиняков заявляет на страницах «*Дейли Телеграф*», что, *теоретически мысля, врагом надо признать Японию*; при этом он, по обычаю военных дипломатов, высказывает надежду, что имеющиеся в Японии друзья Англии сумеют предотвратить необходимость использования этой морской базы против Японии. Факт создания Англией базы против Японии имеет громадное значение для суждения об общем мировом положении. Как вам известно, последней схваткой вокруг Дальнего Востока была Вашингтонская конференция. Что касается отношений между Англией и Японией, то первая отказалась от союза, но не приняла на себя никаких обязательств в отношении Америки. В Вашингтоне американское правительство, в качестве компенсации за свой отказ от укрепления морской базы в Филиппинах, требовало от Англии аналогичного отказа от укрепления морской базы в Гонконге. При наличии соглашения на предмет совместного выступления против Японии Америка не требовала бы от Англии отказа от укрепления морской базы. Если в настоящее время Англия все же укрепляет свою базу против Японии, то это свидетельствует о дальнейших успехах англо-американского сближения, направленного против Японии.

Из этой общей характеристики положения, поскольку дело касается взаимоотношений между капиталистическими государствами, явствует, что мы переживаем период *растущего развала мировой капиталистической системы*: с одной стороны—обострение противоречий между Англией и Францией, с другой—обострение противоречий между Англией, Америкой и Японией.

В вопросе о взаимоотношениях всей мировой капиталистической системы с Советской Россией мне немного остается добавить к 1-му докладу. В момент моего выступления с докладом у нас уже были сведения о намерении английского правительства, несмотря на наш отказ отозвать советских послов из Кабула и Тегерана, мирно ликвидировать конфликт.

Остается сказать, что Советским правительством получена от английского краткая нота с требованием уплаты 13.000 фунтов за убитого и за арестованного шпиона. Эти 13.000 фунтов лорд Керзон получит, но, как показывают происходящие в последние недели события в Персии, больших выгод из конфликта ему не извлечь.

Знаменоносец национального движения в Персии, молодая буржуазия, торговый слой, оказал приехавшему пригласить персидских купцов в Нижний-Новгород представителю Советской России, тов. Малышеву, прием, наглядно показывающий, что авторитет Советской России на Востоке нисколько не пал, и что молодая буржуазия в целом ечитает Советскую Россию оплотом своего национального освободительного движения.

Товарищи, вот пара добавлений, которые мне приходится сделать к докладу моему на расширенном пленуме ИККИ: теперь я могу приступить к основной задаче сегодняшнего доклада—показать вам оборотную сторону медали, т.-е. *нарисовать в международном масштабе картину внутреннего положения, отношений между трудом и капиталом и взаимоотношений в лагере самой буржуазии.*

Борьба в лагере буржуазии.

Товарищи, позвольте мне, обрисовывая положение, ограничиться пока простым *констатированием наиважнейших фактов*, отнеся выводы ко второй части доклада. Эта, я бы сказал, калейдоскопическая или кинематографическая картина взаимоотношений отдельных классов тем более важна, что международный пролетариат слишком схематически представляет себе эту грандиозную арену борьбы.

Начну с наисильнейшей мировой капиталистической державы—*Северо-Американских Соединенных Штатов*. Вы уже знаете, что победа республиканской партии в Америке знаменовала победу реакции. Не потому, чтобы демократическая партия и Вильсон служили чему-либо иному, а не интересам капитала. Принципиально демократы не отлича-

ются от республиканцев, но в Америке экспонентами актуальных интересов демократической буржуазии служат поочередно то демократы, то республиканцы. Республиканский режим выразился в проведении форднеевского тарифа, ограждавшего американские тресты от конкуренции европейской буржуазии. Движение в пользу покровительственных пошлин всегда происходило не без участия наисильнейших американских трестов. Таким образом, проводя неслыханные раньше по своим размерам таможенные пошлины, правительство Гардинга обнаруживало свою истинную сущность правительства крупнейших американских трестов. Режим Гардинга был режимом опиравшейся на тресты американской реакции. Если взять внутреннее положение Америки не к моменту водворения Гардинга в правительстве, а теперь, то мы увидим новый фактор—сильное *фермерское движение*. Это крестьянское движение, направленное против политики трестов, против выжимания пота из деревни и против эксплоатации фермеров крупным капиталом, представляет собой фактор громадного значения. И прежде всего оно свидетельствует о *крупной бреши, образовавшейся во фронте американской реакции*.

После войны Америка превратилась в лагерь самой ожесточенной шовинистической реакции. Эта страна,—единственная, вышедшая из мировой войны истинным победителем,—сумела объединить вокруг своего крапленого знамени все слои буржуазии, в первую голову для борьбы с пролетариатом. Вам уже известно, что после войны на молодую компартию и революционные профсоюзы обрушились свирепые преследования, вынудившие партию уйти в подполье. Рост фермерского движения, ведущего к распаду обеих капиталистических партий и к образованию беспартийной лиги, что имеет результатом формирование левого крыла фермеров, тяготеющего к союзу с пролетариатом,—все это свидетельствует о том, что господство американской капиталистической реакции пошатнулось. Наилучшим доказательством служит факт выхода из подполья компартии, легализующейся под видом Воркерс Парти, а также то обстоятельство, что привлечение Воркерс Парти к суду (процесс Фо-

стера и Рутенберга) кончилось протестом со стороны даже притянутой к процессу в качестве свидетеля против коммунистов части буржуазии. То обстоятельство, что коммунистов в Америке не линчуют и не четвертуют, уже само по себе доказывает, что в этом царстве демократии не все обстоит благополучно, и что силы реакции слабеют.

Переходя от Америки к Европе и начиная обзор с *Англии*, приходится упомянуть о победе, одержанной английскими консерваторами на выборах осенью прошлого года. Правда, за английских консерваторов голосовала лишь одна треть всех английских избирателей, но они все же собрали относительное большинство и таким образом, в качестве наисильнейшей партии, очутились у власти. Весьма существенно понять, что знаменует собой эта победа. Она объясняется в первую очередь поражением либералов. На выборах потерпели поражение либералы, представители торгового капитала, стремящиеся к восстановлению Европы. Победу одержали представители английской тяжелой индустрии, группирующиеся вокруг консерваторов и образующие нынешнее правительство вместе с помещиками, как представителями преимущественно класса рантье. Эти рантье и тяжелопромышленники поставили крест на стараниях восстановить Европу. Они заостряют английскую политику в сторону усиленного развития производительных сил колоний, повышенной эксплоатации Индии и Египта и сугубой эксплоатации английского рабочего класса. Тогда как коалиционное правительство 1919 года под давлением бурного натиска со стороны пролетариата, как вы знаете, заигрывало даже с идеей национализации шахт и железных дорог, нынешнее правительство есть правительство безудержного господства капитала, отказывающегося от какой бы то ни было защиты рабочего класса. Программа премьера консервативного правительства Бонар-Лоу сводится к лозунгу: «порядок и спокойствие»; его преемник господин Болдуин характеризуется на страницах издаваемого английским правительством на Востоке органа «Near East» в выражениях, применимых и ко всей политике английских консерваторов. Газета говорит, что господин Болдуин никогда раньше не занимался политикой,

но что этот трезвый человек прекрасно разбирается в своих собственных делах. Еще не будучи премьером, он заявлял, что, разорвав связь с фирмой «Болдуин Лимитед», предпочитает заняться в своем имении свиноводством; этот самый Болдуин оказался призванным решать судьбы не только 50-миллионного населения Англии, английского народа, но и судьбы полумиллиарда людей, живущих под скипетром Англии. Он призван править полумиром и постарается выполнить эту задачу сообразно принципам свиноводства.

Но, товарищи, мы видим, что столь желанные для господина Бонар-Лоу порядок и спокойствие в Англии не водворились. По переходе власти в руки господина Бонар-Лоу и консерваторов, их застиг англо-русский кризис и тяжелый рурский кризис, который им не удается разрешить доселе. Они вынуждены платить долги Америке и переживают теперь одну стачку за другой. Им приходится иметь дело с расправляющим свои члены враждебным им рабочим классом, отдавшим на выборах свои 4 миллиона голосов представителям Рабочей Партии. Одновременно с этим им приходится иметь дело с раздираемым изнутри и разбитым либерализмом, что в данный момент облегчает их положение в парламенте, но в исторической перспективе лишает их видов на будущее, потому что, при создавшемся сложном положении Англии, значительная часть буржуазии не согласится с тем, что великой державой надлежит управлять согласно принципам «Болдуин Лимитед» плюс свиноводство. Развал либерального крыла английской буржуазии знаменует рост силы пролетариата.

Теперь перенесемся через канал из Англии во *Францию*. Что мы там видим? При всех голосованиях в палате, господин Пуанкаре собирает громадное большинство. Но это свидетельствуют лишь о том, что, в погоне за сохранением уже не могущего быть ею спасенным Версальского договора, французская буржуазия готова на авантюры. Но вынужденность такого поведения свидетельствует лишь о том, что господство упоенной своей победой французской мелкой буржуазии, надеявшейся, что расплачиваться за все будет Германия, глубоко потрясено. Весной 1924 года во Франции пред-

стоят выборы, и правительству придется сказать, каким образом рассчитывает оно покрыть растущий дефицит, как думает оно заштопать дыру в бюджете. Правительство национального блока обещало, что за все будут платить немцы. Если Франции удастся обосноваться в Рурской области, то через пару лет, при наличии укрепления капитализма в мировом масштабе, Франция пожнет, конечно, крупные прибыли. Но, пока-что, это не сулит ничего, кроме крупных расходов, в результате которых французской буржуазии придется еще крепче нажать налоговый пресс для выкачивания денег из крестьян. Еще печальнее было бы положение национального блока, если бы ему пришлось уйти из Рурской области, не достигнув никаких результатов.

Такое положение ведет к распаду национального блока: последний, хотя и служит интересам крупных банков и тяжелой промышленности, но вынужден считаться и с интересами большинства избирателей, т.-е. крестьянства. Ближайшие месяцы принесут с собой развал национального блока и рост крестьянской оппозиции во Франции.

Товарищи, если перенестись теперь взором из Франции в *Италию*, мы узрим там картину, подробно очерченную в превосходной брошюре Гвидо Аквилла, посвященной фашизму и вышедшей на-днях из печати,—брошюре, о тактическом подходе которой мне еще придется поговорить, но которую в качестве фактического материала можно смело рекомендовать вниманию всех коммунистов.

О чем свидетельствует эта картина? Фашизм оказался не в состоянии выполнить хотя бы единого атома своих обещаний. Товарищи, каждая и революция, и контр-революция начинается с выдачи векселей, по которым позднее приходится расплачиваться. Подводя баланс русской революции, мы видим, что и она, бесспорно, погасила лишь одну часть экономических векселей, раздав пока только землю крестьянам. Правда, она и рабочим отдала фабрики, но пока еще не сумела окончательно превратить эти фабрики в центры пульсирующей жизни, обеспечивающие благоденствие пролетариата.

Но между векселями, выплачиваемыми в течение шести

лет русской революцией, и векселями фашистского режима есть существенная разница: русская революция выдала векселя двум классам, интересы которых в принципе не противоречат друг-другу, хотя и не совпадают,—рабочим и крестьянам. Подъем крестьянского хозяйства в Советской России есть непременная посылка для подъема и процветания пролетариата. Этот подъем сейчас уже налицо и ложится в основу улучшения положения русского рабочего класса. Русская революция вынуждена просить держателей векселей отсрочить платеж по ним, но эти держатели прекрасно чувствуют, что уплачено-то по векселям будет.

Фашистская контр-революция выдала векселя классам со взаимно-противоположными интересами. Она сулила рабочим работу и обеспеченное существование, капиталистам—увеличение прибыли и господство на фабриках, мелкой буржуазии, интеллигенции—растущее влияние на общественную жизнь Италии, увеличение благосостояния и, наконец, всему итальянскому народу—политику силы, поднимающую авторитет Италии во всем мире. Что же мы видим? До сих пор фашистскому правительству удалось лишь одно: раздавить рабочее движение, силком втянуть рабочих в фашистские профсоюзы. А результаты каковы? Оно передает железные дороги и военную промышленность частному капиталу, понижает заработную плату рабочих (это понижение уже достигает в среднем 30%). А что получили крестьяне? Ничего. Одновременно с введением налога на заработную плату растут и налоги, тяготеющие на крестьянстве.

Что дало оно промышленникам? Оно не укрепило их мирового положения. В период войны и после нее Муссолини занял и вынужден был занять позицию, резко-враждебную Англии: Англия господствует над Италией уже в силу своей гегемонии на Средиземном море. Грезя о могучей Италии, Муссолини, этот выразитель идеологии империалистической интеллигенции, должен был бы поднять знамя революции против *Англии*. Муссолини, основавший свой «Пополо», на французские деньги, тащится целиком на поводу у Англии. Больше того: во имя укрепления своей власти вну-

три страны, он вынужден отказаться и от каких бы то ни было планов борьбы с Юго-Славией.

На-днях «Дейли Телеграф» нескромно разболтал, что итальянское правительство прекрасно было осведомлено о предстоявшем в Болгарии перевороте, и что итальянский шпионаж поддерживал близкие связи с совершившими переворот. Не знаю, выболтает ли в ближайшие дни орган Муссолини, какую роль играла в болгарских событиях тайная агентура лорда Керзона, но, во всяком случае, не подлежит сомнению, что Муссолини лишен возможности выступать против Юго-Славии, которую поддерживает поставляющая ей военные суда Франция. Он вынужден совершать обходный маневр и поддерживать в Болгарии противников Юго-Славии, чтобы, таким образом, обуздать последнюю.

Данное Муссолини от имени фашистского правительства обещание быть сильным, справедливым и экономным оказалось мыльным пузырем. Экономное правительство вынуждено расширять кадры войск и полиции. Экономит оно лишь за счет пролетариата и крестьянства. Это заставляет Муссолини все больше и больше опасаться за судьбу своего правительства. Наглядный пример отношения к фашистам—поведение партии Пополяри, крупной крестьянской и мелкобуржуазной партии, в парламенте поддерживающей Муссолини, а на своем съезде не только отказавшейся отождествить историю своей партии с фашизмом, но даже ставшей к нему в оппозицию. Недовольство итальянских либералов, сброшенных пинком ноги Муссолини на навозную кучу истории, враждебная фашистскому правительству позиция «Коррьере делла Сера»,—все это свидетельствует о том, что в буржуазию начинает проникать сознание непрочности фашистского режима, неспособного обеспечить мир, безопасность и сугубую эксплоатацию. Это проникающее как в мелкобуржуазные массы, так и в верхушки буржуазии, сознание начинает разлагать фашистскую партию. Мы, русские коммунисты, склонны отнестись особенно осторожно к тому, что пишется о разложении фашизма. Вот уже целые пять лет, как на страницах буржуазной печати появляются сообщения то об аресте Ленина, то об аресте Троцкого, то о

распаде нашей партии на 10 частей. Я не верю в столь близкое разложение фашизма, но не подлежит сомнению, что Муссолини вынужден одновременно бороться против аграрного крыла фашистов и преодолевать сопротивление, оказываемое ему в лагере его мелкобуржуазных и пролетарских сторонников, а выдающиеся вожди фашизма уже открыто говорят в печати о том, что капиталисты заблуждаются, полагая, будто фашистская революция имеет целью предоставление им свободы действия, и подчеркивают, что фашизм должен оказывать давление и на капиталистов. Если мы видим не только наличие разногласий в фашистском лагере, но и роспуск фашистских провинциальных конференций по приказу Муссолини и вооруженные столкновения между отдельными фашистскими частями в Риме и других провинциальных городах,—то разве все это не свидетельствует о том, что чувство неуверенности проникло уже и в лагерь фашистов?! При этом не следует забывать, что в отличие от русской компартии, спаянной в единый монолит ее 25-летней историей, фашизм представляет собой еще молодое и слабое образование. Итальянскому фашизму не оправдать пробудившихся надежд мировой буржуазии, мечтавшей о победоносном железном кулаке, дающем возможность восстановить капитализм на костях рабочего класса. Если обезьянничая, а не подражая Ленину, Муссолини говорил о вступлении во второй период фашизма, период строительства, начавшегося после разрушения старого государства, то мы можем ему ответить: этого первого периода фашизм никогда не переживал,—он не разрушил, а лишь дезорганизовал старое государство. Второй же период и не начинался,—больше того: начался другой период,—период не строительства, а разложения, распада фашизма.

Итальянский фашизм был приветствован английским королем, лордом Керзоном, американским послом Чайльдом. Как представители страны, гордящейся тем, что она родоначальница парламентаризма—представители английской демократии, так и представители страны, заложившей первые основы буржуазной демократии в Джефферсоновской конституции, склоняют свои знамена перед фашизмом, который

как известно, готов ликвидировать и парламентаризм, и демократию, согласно выработанному им проекту реорганизации парламента. В основе их поведения лежала надежда на то, что фашизм раздавит европейское рабочее движение. Недавно сторонники Муссолини встретили его возгласом: «Да здравствует свобода!». На это он им ответил: «Оставьте эти глупости». Несколько ребяческой оказалась преждевременная радость господина Керзона, английского короля, портреты которого так напоминают Николая II и американского посла Чайльда. Несмотря на радостность для них итальянского фашизма, им никогда не придется пережить аналогичную радость в мировом масштабе.

Товарищи, обратимся теперь к северу, к *Германии*. Мы видим, что борьба за Рур становится исходным пунктом новой грандиозной классовой войны в Германии. Германская буржуазия втянулась в рурскую войну в твердом убеждении, что ей удастся уменьшить бремя Версальского мира настолько, чтобы быть в состоянии восстановить хозяйство за счет рабочего класса. Расчеты ее не сбылись. Полгода рурской оккупации принесли с собой катастрофический развал германского капиталистического хозяйства и определили процесс формирования в Германии трех крупных группировок, которым в ближайшем будущем так или иначе предстоит померяться силами: 1) лагерь средней буржуазии, зажиточного мещанства, рабочей аристократии, лозунгом которых служит: quieta non movere, предоставьте все своему течению, не трогайте прекрасной вещи, именуемой германской республикой. Этот лагерь по своему социальному составу объединяет германскую обрабатывающую промышленность, германские торговые круги, часть пасифистской демократической интеллигенции, богатое католическое крестьянство и рабочую аристократию; он день ото дня слабеет. Последние выборы в муниципалитет и ландтаг,—взять хотя бы исход выборов в Мекленбург-Стрелице,—свидетельствуют об увядании этого среднего лагеря. Этот средний лагерь, стремящийся укрепить завоевания ноябрьской революции, штурмуется с двух сторон: с одной

стороны, рабочим классом, не желающим дольше терпеть подобное положение вещей, с другой стороны, мелкой буржуазией, служащими, техниками и мелкими ремесленниками, которых в социальном отношении раздавливают капиталисты. Этим социальным слоям в материальном отношении живется в тысячу раз хуже, чем рабочим. В последнем номере газеты Парвуса «Восстановление» вы найдете статью доктора Мамлока, посвященную положению германских врачей. Если одновременно с этим вы заглянете в труды общества социальной политики, посвященные вопросу о положении германской интеллигенции, вы увидите, что этим пролетариям в стоячих воротничках, жившим и прежде не слишком-то хорошо, теперь приходится значительно хуже, чем рабочим. Одна часть их ищет спасения на пути мелкого мошенничества, мелкой спекуляции, другая кидается к физическому труду, третья погружается в болото нищеты. Так жить нельзя, и они пытаются смести нынешний режим под знаменем национализма, под знаком возврата к тем временам, когда у власти был император, грезивший о мировом господстве, и когда каждому интеллигенту и мещанину был обеспечен кусок хлеба.

Этому движению уже не восстановить былой германской империи, но оно будет иметь громадное значение в деле разрушения нового германского государства богачей, возникшего на основе германской революции. Эта масса служит пушечным мясом для единственной реальной силы, пытающейся восстановить былой капиталистический порядок: эта сила—помещики и тяжелопромышленники, Стиннесы и Вестарпы, правда, не принимающие лично участия в тайных организациях германских националистов, но финансирующие и поддерживающие их; подобно итальянским тяжелопромышленникам, подобно Банка Ди Сконто, они надеются восстановить свое господство при помощи бунта мелкой буржуазии. В Германии вы видите, таким образом, завязку новой грандиозной борьбы, и если в былое время добродушный немец обвинял большевиков в изобретении термина «гражданская война», то теперь сама Германия создает все мыслимые формы гражданской войны. Там вы най-

дете все, начиная с тайной организации, тайного судилища, организующего политические покушения пассивного сопротивления, этой формы борьбы угнетенных восточных народов, вплоть до открытой классовой борьбы; современная Германия—географическая карта всех форм гражданской войны. Миновали времена, когда Гейне говорил, что славная Германия—стоячее болото. Нет другой страны, где бы отдельные части буржуазии так яростно свирепствовали друг против друга и против рабочего класса, как в Германии.

Товарищи! Я перехожу теперь на юг, где совершился *болгарский переворот*. Что он означает? Болгарский переворот знаменует победу небольшой клики городской интеллигенции, бюрократии и офицерства; это не массовое движение, а военный заговор: при помощи юнкерского училища и кавалерийского полка заговорщикам удалось одержать победу над крестьянским правительством, и они попытаются установить режим, соответствующий интересам слабой городской буржуазии, бюрократии, военщины. До войны фактическая власть в Болгарии принадлежала не буржуазии, а тонкому слою буржуазной интеллигенции, действовавшей в интересах только еще формирующейся буржуазии и распростершей свою длань над крестьянством.

Товарищи! Делая обзор внутреннего положения буржуазных государств, я прошу вас вспомнить характеристику, данную ему на Гамбургском конгрессе прославленным марксистом II Интернационала *Отто Бауэром*. Подобно Иеремии на брегах Альстера, он проливал слезы и говорил, что вернулись *времена после Венского конгресса*. Подобно тому, как Венский конгресс закончил собой период революционных потрясений, так и теперь мы переживаем период победоносной контр-революции.

Но, ведь, после Венского конгресса в течение целого тридцатилетия в Европе царило мертвое спокойствие: меттерниховская система в центральной Европе, режим ничему не научившихся и ничего не забывших Бурбонов во Франции, реакционный режим в Англии, огнем и мечом раздавивший луддистское движение, огнем и мечом пытав-

шийся подавить только-что пробуждавшееся молодое рабочее движение. За пределами же Европы находились народы и страны, не игравшие в ту пору никакой роли в истории и служившие лишь притягательным объектом для английских купцов, стремившихся сплавлять туда свои хлопчатобумажные и мануфактурные товары. То ли теперь? Нам приходится иметь дело не с победой контр-революции после краткого периода революции, но с борьбой между молодой, нарастающей революцией и контр-революцией. Мы живем в период, когда буржуазия пытается разрешить неразрешимую задачу: восстановить мировой капитализм.

Мы являемся свидетелями возникновения в лагере буржуазии борьбы, разлагающей ее силы, делающей невозможным возврат к старому, не говоря уже о невозможности его с экономической точки зрения. А возгорающаяся в Америке борьба мелкой буржуазии против трестов, в Англии борьба либералов против консерваторов,—что означает она? Как это понимать, если человек, вчера еще занимавший пост английского премьер-министра, и притом не самый глупый из них, если Ллойд-Джордж ныне перед лицом всего света хулит свое собственное дело—Версальский договор? Как понимать, если во Франции, этой стране-победительнице, французская буржуазия вынуждена сказать себе: всего четыре года, как кончилась война, и уже приходится либо вести новую, либо признать Версальский договор несуществующим? Что значит, когда в центре Европы, в наикрупнейшей промышленной стране европейского материка, происходит не только борьба между трудом и капиталом, но и вооруженная борьба между отдельными группами буржуазии? А, одновременно с этим, возникновение консолидирующего пролетарские силы фактора,—первого пролетарского государства? Посмотрим же, как развивалась борьба рабочего класса в последние шесть месяцев. Начну с Советской России.

Растущее сопротивление рабочего класса.

У всякого из вас, кому пришлось бы изучать положение России, посетить фабрики, говорить с рабочими, наблюдать

массу на улицах, не на демонстрациях, а на бульварах, у всякого, кто посетит деревню, создастся впечатление устойчивости существующего положения вещей. Вам станет ясно, что положение рабочего класса на русских фабриках значительно лучше положения германских рабочих. Вы увидите, что связь между пролетариатом и крестьянством окрепла, хотя крестьянству и приходится еще нести тяжелое бремя налогов. Но это отнюдь еще не означает, что русской революции уже не грозит никакой опасности. Поскольку русские фабрики еще не достигли хотя бы уровня довоенного, русская революция еще не вышла из полосы опасностей, и пока в руках пролетариата не окажется хотя бы одного промышленного государства, русской революции придется занимать оборонительное положение. Но стоит сопоставить Россию 23 года с Россией 19, 20 и 21 г.г.,—и мы увидим, что силы ее удесятерились.

Констатировать этот факт, значит признать, что *основная цель мировой контр-революции не достигнута. Целью наступления капитала был возврат к положению 1914 года.* Чем же отличается мировая картина 1923 года от картины 1914 года? Конечно не тем, что низложена Германия. Капиталистическому миру уже и раньше приходилось переживать и восхождение одних и нисхождение других капиталистических государств. Обратясь к истории более ранних времен капитализма, мы увидим, что господствующее экономическое положение занимали то итальянские города, то юная феодально-капиталистическая Испания, то голландские торговцы перцем, затем Англия, против нее поднялась Франция, и, наконец, в 70-х годах встала на ноги промышленная Германия. Факт поражения Германии в мировой войне еще не свидетельствует о коренном изменении мирового положения.

Что же мы видим теперь? Мы являемся свидетелями возникновения *новой государственной системы — пролетарской, противопоставляющей себя мировой системе капиталистических государств.* Такова федерация социалистических государств бывшей Российской империи. Она носит название не России, а *Союза Советских Социалистических*

Республик. Слово Россия в названии отсутствует. Кое-кому из товарищей по этому поводу, пожалуй, взгрустнется. Мы же надеемся, что новое наименование широко откроет двери для присоединения других социалистических государств, не расположенных на территории бывшей России, и лишает нас необходимости видоизменять название социалистической государственной системы. Разумеется... для того, чтобы это присоединение имело место, вы должны совершить революцию в паре стран.

Итак, в противовес капиталистической системе государств начинает формироваться пролетарская система, оказывающая противодействие капиталистическому миру. Этот последний пытался, но неудачно, раздавить ядро этой новой системы государств. Эта составная часть баланса имеет громадное значение при подведении итога и показывает, сколь нелепо говорить, подобно Отто Бауэру, о временах после Венского конгресса.

Но это не единственный фактор нашего положительного баланса последних месяцев. *Наступление капитала еще не ликвидировано, но оно уже перевалило через кульминационный пункт*. Наилучшим доказательством этого факта служит, на-ряду с усилением Советской России, *вновь начавшееся усиление профсоюзов*. 1921 и 1922 годы характеризовались отливом членов из профсоюзов. В настоящее время, как в Германии, так и в Англии, количество профессионально-организованных рабочих неуклонно растет; одновременно с улучшением экономической конъюнктуры в Америке и Англии начался грандиозный процесс амальгамирования профсоюзов. Мы видим, как рабочий класс использует первую представившуюся ему возможность для устройства новых стачек. Мы уже были свидетелями стачки сельскохозяйственных рабочих в Англии.

Теперь происходит стачка докеров. Мы видим, как разрастается стачка горнорабочих в Америке. Наблюдается и целый ряд мелких стачек. Мы видим, что буржуазия этих стран оказывается вынужденной вновь повысить заработную плату.

Рабочее движение опять начинает итти в гору после глубочайшей депрессии, пережитой им в 1921 году.

Товарищи, если вы себя спросите, что означает *победа Лейбур Парти в Англии*, то мы, вопреки нашему весьма критическому отношению к Лейбур Парти,—это даже не второе издание II Интернационала, а если говорить о вождях, то это новое издание либеральных рабочих вождей, тщетно старающихся облачиться в тогу социализма, — вопреки этому мы все же скажем: было бы нелепо *за вождями и даже за современным состоянием рабочего класса не видеть крупного сдвига, выражением которого служит факт голосования 4-миллионной рабочей массы за представителей Рабочей Партии.* Господин Сидней Вебб, идеолог и сведущий крючкотвор английской Лейбур Парти, заявил в своей вступительной речи на съезде Лейбур Парти: «Мы—враги классовой ненависти в том духе, как ее проповедывал Маркс; основателем английского социализма является не Маркс, а *Роберт Оуэн*». Господин Сидней Вебб—весьма ученый человек, он знает Англию лучше, чем все английские правительства, вместе взятые, но он столь же мало способен воскресить социализм Роберта Оуэна, как Болдуин—воскресить Англию Эдуарда VII или Виктории. Английский рабочий класс начинает конституироваться как класс. Делает это он сначала робко. Он еще не освободился от либеральной идеологии, но, так или иначе, он начинает чувствовать себя классом. Уже одно то обстоятельство, что из этой принаряженной и приглаженной Лейбур Парти, вожди которой перед появлением в парламенте в первую голову штудируют книгу о хорошем тоне, что из этой Лейбур Парти в парламент попадают простые рабочие, которых высокопочтенные джентльмены именуют грязными псами, свидетельствует о том, что английский рабочий класс уже не тот, что был до войны. И если даже либеральным псевдосоциалистическим вождям английского рабочего класса еще 20 раз удастся обморочить пролетариат, если даже им удастся еще раз убедить его в том, о чем распинается господин Сноуден на страницах буржуазной «Морнинг Пост», утверждая, что Лейбур Парти

не тронет ни единого волоска на голове капиталистов и будет ликвидировать капитализм медленно и незаметно для него самого, то все это лишь означает, что, очутившись у власти, господа Сноуден и Вебб будут стараться проводить подобного рода политику. Но это отнюдь не означает, что их старания завершатся успехом. Буржуазия станет бороться и против «мирной экспроприации». «Дейли Телеграф» в ответ на речь Вебба на конгрессе писал: Господин Вебб говорил весьма гуманно, как цивилизованный человек, но пират есть пират, какие белые перчатки он на себя ни натягивай». Мы берем на себя защиту Вебба и Сноудена: это не пираты, они только хотят чуточку обмануть старуху-историю, но в итоге окажутся обманутыми сами. Рабочий же класс осуществит их программу своим особым путем, соответствующим своеобразной английской обстановке (это не будет повторением того, что имело место в России: ничто в истории не повторяется), но все же путем классовой борьбы. Английский пролетариат уже вступил в полосу этой борьбы и будет бороться, потому что бороться он вынужден. Невозможность возврата к временам Эдуарда VII, королевы Виктории и Оуэна объясняется тем, что Англия времен Оуэна и королевы Виктории обладала монополией в области торговли. Во времена Эдуарда VII она этой монополии уже лишилась, но все же была наисильнейшим промышленным государством с наипрочнейшей базой. В настоящее время наисильнейшим промышленным государством является Америка. В настоящее время Англию гнетет тяжелое бремя финансового долга, и она лишилась в лице Европы наилучшего рынка для сбыта своих товаров; современной Англии приходится иметь дело с более серьезными, чем когда бы то ни было раньше, военными, морскими и промышленными конкурентами, а расколотые раньше на две части английские рабочие, одна часть которых, рабочая аристократия, не хотела бороться, не чувствуя в этом потребности, другая же бороться не могла,— *эти английские рабочие теперь, подобно всем прочим пролетариям, вынуждены бороться против буржуазии, если хотят жить.*

Товарищи, в 1919 году II Интернационал старательно пытался доказать рабочим, что они не должны производить революции в Европе, пока не произойдет революция в Англии и Америке. Статс-секретарь Австрии, господин Отто Бауэр, выпустил в 1919 году анонимную брошюру,—как государственному мужу, ему не подобало высказывать от своего имени глубокомысленных идей, так как государственные люди обязаны не иметь никаких идей,—где он доказывает: европейская революция не может дальше развиваться, пока не произойдет революция в Америке и Англии. Теперь мы имеем дело в Англии не с началом революции, но с классовым ростом пролетариата, начинающего конституироваться в класс, и вот—мужи II Интернационала уже пытаются обмануть рабочий класс на чечевичной похлебке и удержать не только от революции, но и от революционных идей. А господа Бауэры,—что делают они? Они приветствуют это, как путь к социализму. Товарищи, мы не верим в существование географического атласа, заранее предусматривающего, где суждено начаться революции. Революция начинается там, где начинается. Мы никогда не держались того мнения, что германские рабочие, русские рабочие, итальянские рабочие не должны производить революции раньше, чем не сломят шеи английской буржуазии рабочие английские. Мы и прежде, и теперь убеждены, что европейский материк, в случае победы рабочего класса, выдержит борьбу против блокады со стороны англо-саксов и даже против подводных лодок и цеппелинов англо-саксонского капиталистического мира, если только последнему суждено будет пережить европейский капитализм.

Но не подлежит никакому сомнению, что нарастание рабочего движения в Англии знаменует *начало наступления пролетариата*. Господа из Лейбур Парти полагают, что можно спастись, не пустив в Лейбур Парти наших товарищей из боязни, как бы они не испортили их овечек, но консервативный публицист Ян Кольвин в ответ на статью Филиппа Сноудена заявляет, и не без основания, на страницах «Морнинг Пост»; «из года в год Лейбур Парти

отказывается принять в свой состав компартию, и из года в год растет в ее рядах количество людей, требующих допущения коммунистов». Господа из Лейбур Парти полагают, что коммунизм может быть принесен в их ряды лишь членами коммунистической партии. Мы же убеждены, что еще того вернее будет принесен коммунизм в их ряды английским капитализмом, и в силу этого мы приветствуем факт развития Лейбур Парти в Англии, как доказательство пробуждения английского рабочего класса.

Товарищи, если, обозревая положение на континенте, мы возьмем такой факт, как последние выборы во Франции, давшие в одном округе 52.000 голосов национальному блоку и 40.000 коммунистам, и вспомним, какой незадачливой представлялась французская компартия,—многие, даже в наших рядах, верили, что лонгетисты,—как рабочая партия, гораздо более слабые,—получат на выборах больше голосов, чем мы,—на самом деле они получили лишь одну четверть количества, полученного нами,—то и здесь мы увидим свидетельство роста боевого духа и воли к борьбе в рядах рабочего класса.

Мне не приходится здесь говорить о Германии. Неуклонно катящаяся по Германии волна стачек говорит о том, что германский рабочий класс вынужден бороться, и что он действительно борется. У нас имеются еще более веские доказательства пробуждения рабочего класса. Проследите за сообщениями из *Венгрии*, этой страны белой диктатуры, страны, где коммунизм был разбит, что объясняется его молодостью, слабостью и отсутствием прошлого, и где поэтому так трудно воссоздать коммунистическое движение. Массовые стачки в Венгрии доказывают, что даже *белогвардейская диктатура не спасает буржуазию* от пробуждения рабочего класса. Если господин Отто Бауэр и говорит о временах кладбищенского спокойствия, царившего после Венского конгресса, то делает он это исключительно для очистки своей совести. Итак, на-ряду с неуклонно идущим процессом развала в лагере буржуазии, на противоположном полюсе происходит *собирание сил пролетариата, который пробуждается и крепнет*. Но, по-

вторяем, период наступления капитала еще не миновал. На нас еще будут сыпаться удары, еще во многих местах придется вести чисто-оборонительную борьбу, и все же... наступление уже перевалило через свой кульминационный пункт.

Гаага и Гамбург.

Возникает вопрос: как все это отражается на рабочей партии? Мы остановимся на двух съездах, имеющих неслыханно громадное значение для коммунизма: на съезде в Гааге и съезде в Гамбурге. Те, кто имел случай присутствовать на Гаагской и Гамбургской конференциях вынесли гнетущее, удручающее впечатление. Но в этом-то и кроется громадное революционное значение этих конференций.

Чем была Гаагская конференция? В Гааге собрались представители 24 миллионов организованного пролетариата. Что побудило их собраться? Сознание, что *в настоящее время опасность войны грозней, чем в годы, предшествовавшие всемирной войне.* Они собрались, чтобы организовать борьбу рабочего класса против войны, опасность которой была в их глазах столь крупной, что они себе сказали: для отпора этой опасности мы должны образовать коалицию... даже с буржуазным пасифизмом. Перед такой опасностью не приходится спрашивать, каково знамя, под которым с нею борешься.

Посмотрим же товарищи: что решили они предпринять против опасности войны? Отправляясь в Гаагу в качестве представителей русских профсоюзов, мы получили от тов. Ленина инструкцию,—вероятно, в ближайшее время она будет опубликована,—представляющую собой выдающийся документ революционного реализма Ленина. Он нам сказал: первый ваш долг заявить в Гааге: *кто обещает саботировать войну путем всеобщей стачки или восстания, если война начнется, тот или дурак, или обманщик.* Война нагрянет, аки тать в нощи, раньше, чем массы смогут ориентироваться. А буржуазная машина такова,—этому учит нас опыт последней войны,—что она смещает все карты, де-

лая из правого дела неправое, из черного белое. Когда разразится война, громадное большинство трудящихся будет увлечено на поля битв. *Заявите в Гааге, что задача наша совсем не в том, чтобы строить планы на случай, если бы разразилась война, но работать так, чтобы устранить самую ее возможность.* Мы указывали амстердамцам, что завтра нам грозит оккупация Рурской области, новые нападения на Советскую Россию, крупные конфликты на Востоке. Мы спрашивали их, что намерены они против всего этого предпринять. Это еще не война, но подготовка ее. Мы предлагали им согласиться на *минимуме*, понятном для всякого честного рабочего: совместная агитация против опасности войны, устройство общими силами недели агитации против войны, создание подпольных организаций для агитации против войны в армии и однодневная демонстративная стачка с целью объединить массу, внедрить в нее сознание своего единства и дать почувствовать буржуазии, что мы начинаем организоваться для отпора возможной войне. Эти предложения были отвергнуты, и была принята резолюция, говорящая, что детей надо воспитывать так, чтобы они не затевали войн. Затем начались разговоры по вопросу о значении кинематографии в борьбе против войны.

Подводя политический итог Гаагскому конгрессу, мы говорим: *вожди европейских профсоюзов, 2 и 2½ Интернационалов, собравшиеся в Гааге, готовы были, не пошевельнув пальцем, допустить, чтобы рабочий класс вновь погнали на бойню без противодействия с его стороны. Гаагская конференция была повторением 4 августа 1914 года.* Не подлежит никакому сомнению, что, поскольку дело касается вождей Амстердамского, 2 и 2½ Интернационалов, они вторично *потерпят крушение*, как только вспыхнет война. Мы, революционеры, подводя итог, должны исходить из этого факта.

Что показал Гамбургский конгресс? Во-первых, наличие, даже и в социал-демократических рабочих, потребности в международном объединении для борьбы против опасности войны и фашизма. Во-вторых, присущее вождям II Интер-

национала стремление не допустить рабочих до борьбы и сбить их с толку своими фразами, своей наружной готовностью к борьбе. Все вы знакомы с отчетами Гамбургского конгресса. Я не буду их касаться. Я лишь на одном примере покажу вам, каково значение Гамбурга. Гамбург, подобно Гааге, принял резолюцию против опасности войны. Но, ведь, в гаагской революции говорилось даже и о том, что на войну надо ответить всеобщей стачкой. После Гамбургского конгресса состоялась конференция английской Лейбур Парти; о ней я уже говорил. Каковы принятые решения? Лейбур Парти отказалась объявить себя республиканской партией. Что еще? Она отказалась принять на себя обязательство голосовать против военного бюджета. Господин Гендерсон заявил: «мы стремимся овладеть правительственной властью, а это невозможно, поскольку мы заявим, что отказываемся от обороны страны». Не знаю, удастся ли ему обмануть и сбить с толку английских рабочих, делая вид, будто он не понимает, что одно дело защищать Англию, имея в руках власть и беря на себя ответственность за действия Англии, а другое дело санкционировать вооружения английского капиталистического правительства, готового повернуть оружие против Советской России, против индусского и египетского народов, против английских пролетариев. Он отказался голосовать против расширения английского воздушного флота, а флот этот когда-либо будет служить в первую голову делу расстрела крестьян Индии и Месопотамии, не желающих уплачивать требуемых с них налогов. Гендерсон—сторонник независимости народов. Он защитник Грузии. И в то же время, будучи членом Исполкома II Интернационала, он санкционирует и намерен и дальше санкционировать кредиты на воздушный флот, сейчас бомбардирующий индусских и месопотамских крестьян и готовый бомбардировать завтра французских рабочих и Советскую Россию. Это сопоставление *гамбургских фраз, с одной стороны, и дел английской Лейбур Парти—с другой*, — а Лейбур Парти не рядовая партия II Интернационала, она его руководящая партия,—показывает, что представляющие часть рабочего класса вожди II Интернацио-

нала,—на самом деле *агенты буржуазии*. Пусть себе эти господа сколько-угодно вопят, что это только брань, все же это факт,—они, несомненно, помогают буржуазии надуть рабочих.

Теперь я подхожу к вопросу: как возможна перед лицом таких фактов *тактика единого фронта, каковы итоги этой тактики, и что делать дальше?*

Проблема единого фронта.

Со времени конференции трех Исполкомов в Берлине и до Гамбургской конференции положение дела с точки зрения тактики единого фронта, резко изменилось. Вспомните только: в Берлине, по приглашению Венского Интернационала, была созвана конференция трех Исполкомов. В ту пору существовал Венский Интернационал, заявлявший: «Я не солидарен ни с коммунистами, ни со II Интернационалом. Я посредник между теми и другими. Историческая задача моя в объединении их действий». Мы съехались, разговаривали, и дело расстроилось по той простой причине, что оба Исполкома—2 и 2½ Интернационалов—заявили: если вы искренно хотите совместного с нами выступления против опасности войны, фашизма и в пользу 8-часового рабочего дня, вы должны ни больше ни меньше, как реставрировать капитализм в России. Таков единственный смысл предъявленного нам этими людьми требования предоставления свободы меньшевикам и эсерам, которые, в свою очередь, требуют от нас отказа от новой экономической политики,—этого требует *Мартов,—и возврата к старой политике буржуазии*. Они требовали от нас открытия дверей для нападения мирового капитала (таков смысл требования о восстановлении Грузии). Конференция потерпела крушение благодаря тому, что, в качестве непременного условия совместной борьбы с нами против наступления капитала в Европе, они требовали предоставления русскому капитализму возможности воскреснуть. Они выступали в защиту программы, выдвинутой Ллойд-Джор-

джем в Генуе. Но все же они с нами разговаривали и заявляли о своем намерении совместно действовать. А что показала Гаага? В Гаагу были приглашены буржуазные пасифисты. Предложение пригласить Коммунистический Интернационал было отвергнуто. Но были приглашены русские профсоюзы, и в качестве известного профработника поехал в Гаагу я.

Чем объясняется подобного рода поворот тактики 2 и 2½ Интернационалов? Что у умного на уме, то у дурака на языке. Эту роль взял на себя господин Грумбах, а вторил ему господин Флиген, которого я раньше считал умнее. Вот намеченный ими план. Они говорили: главная опора мирового коммунизма—русская компартия. Если нам удастся пообтесать ее резерв и основной оплот—русские профсоюзы, превратив их в «благопристойных людей», разговаривающих с нами столь же мирно и благопристойно, как вынужден разговаривать Радек, и если они действительно станут так себя вести, то это все будет свидетельствовать об одном: русские ищут смычки с европейским рабочим движением, подобно тому, как они ищут смычки с европейским капитализмом. Если при этом они ищут путей поспешного перехода, соглашаясь вначале координировать с нами свои действия и приостановив борьбу против нас, то это уже начало сдвига в международном масштабе. В таком случае, они и в Европе будут соответствующим образом воздействовать на компартии и постепенно вернут их в лоно II Интернационала. Господин Грумбах сказал: «Некоторое время вам придется посидеть в карантине. Мы посмотрим, серьезно ли ваше намерение заключить с нами мир». В присланном мною в ту пору Исполкому Коминтерна первом отчете говорилось: эти люди нас не поняли, мы должны им в этом помочь. Еще энергичнее будем бороться за единый фронт, но дадим понять, что охоты объединяться с ними у нас нет. Так мы и сделали. Когда же наша делегация потребовала в Гамбурге заключения соглашения на предмет совместного выступления против войны, господин Фриц Адлер, у которого за душой не осталось ничего, кроме расстрелянного револьверного патрона, заявил:

«мы не можем сидеть за одним столом с людьми, стоящими на точке зрения диктатуры в рабочем движении». А, ведь, в мае 1922 года мы были настроены отнюдь не менее «диктаторски», чем в 1923 году. Но в ту пору господин Адлер считал возможным усесться с нами за один стол. Больше того: он считал своей исторической задачей играть роль стула для нас и для II Интернационала или моста между нами и им. В 1923 г. господин Адлер нашел принципиальные обоснования своего отказа от переговоров с нами; это весьма печально, печально не для нас, но как иллюстрация, наглядно показывающая, что политическому падению сопутствует падение моральное, потому что, если Фриц Адлер, с которым мы боролись, но которого все же считали честным человеком, способен измышлять подобные аргументы, значит он прекрасно сознает, что обманывает рабочих. Ложью больше, ложью меньше, не все ли равно. Оставим выпотрошенного Адлера *) украшать своим чучелом лондонский Исполком и спросим себя о причинах, столь изменивших положение.

Разница между отношением II Интернационала к нам в Берлине и Гамбурге аналогична разнице между политикой Керзона и Ллойд-Джорджа в отношении Советской России. Нас гладили по головке, чтоб принудить Советскую Россию к медленной замаскированной капитуляции; когда же эта политика потерпела крушение, английская буржуазия это поняла, она предъявила ультиматум и стала проводить политику Керзона. 2½ Интернационал полагал, что мы охотно дадим себя обмануть и, пойдя на совместные выступления, понемногу дойдем до объединения с ним,—объединения на почве социал-демократической программы, в ее плоти и крови. Он и думать не хотел, чтобы Коминтерн, соглашаясь на совместные действия, не только ограждал независимость своего существования, но и посягал на 2 и 2½ Интернационалы. Если же дело обстоит так, то и разговаривать, мол, нечего. Итак, подводя итог тактике единого фронта в применении к вождям и представителям

*) Адлер по-немецки—орел. Пр. перев.

2 и 2½ Интернационалов, мы должны констатировать, что *баланс получился отрицательный*. Но в исторической перспективе этот *отрицательный баланс является положительным. Чем безнадежнее тактика единого фронта в смысле непосредственных выступлений совместно с вождями II Интернационала, тем более чревата она результатами*. Без всяких специальных разоблачительных маневров с нашей стороны рабочие на языке фактов убедятся, что II Интернационал не имеет намерения бороться—ни сообща, ни в одиночку. А это приведет к полному *разложению* в рядах II Интернационала.

Я подвожу итог борьбы за единый фронт. Мы имеем Берлинскую конференцию *транспортных рабочих*, знаменующую *идейный раскол* в лагере амстердамцев. В то время, как в Гамбурге II Интернационал отгораживает себя целым и, Галесом щитов—не от фашистов, а от делегаций Коминтерна и от Гамбургской организации компартии, более слабой, чем организация социал-демократическая,—в то самое время секретарь Амстердамского Профинтерна *Эддо Фиммен*, секретарь английского союза транспортных рабочих *Роберт Вильямс* беседуют с представителями русских профсоюзов по вопросу о создании общего фронта борьбы против фашизма и войны.

Товарищи, многие спрашивают: не собирается ли Эддо Фиммен нас обмануть, что представляет собой Эддо Фиммен? Я имел в Гааге крупное столкновение с Эддо Фимменом и весьма сожалею, что не присутствовал при произнесении Фимменом речи, с которой я теперь ознакомился по брошюре. Сделай я это раньше, я бы еще в Гааге знал, что такое Фиммен. Вне всякого сомнения, это человек, честно стоящий на классовой точке зрения. Эддо Фиммен примыкал к левому крылу старой социал-демократической партии Голландии. Он не сделался коммунистом, придавая меньше значения пропагандированию самых радикальных форм борьбы, чем пребыванию в рядах рабочего класса. Он надеялся, что голландская социал-демократическая партия и впредь будет партией классовой борьбы. Перед социал-демократической партией Голландии не возникало дилеммы: за или

против войны. И Эдо Фиммен не мог уяснить себе того, что в этом лагере за рабочий класс бороться нельзя. Затем подоспели германская революция, ликвидация войны и массовый прилив членов в профсоюзы. Очутившись во главе Амстердамского Профинтерна, часть *честных классовых борцов питала надежду*, что широкие массы Амстердамского Профинтерна в процессе войны чему-нибудь да научились. Читая историю Амстердамского Профинтерна, видишь, что Эдо Фиммен был инициатором борьбы против белогвардейской Венгрии и за поддержку Советской России. Он один из первых стал работать в области оказания помощи голодающим Советской России. Из речи Фиммена в Гааге видно, что он еще не разделался с иллюзиями, что он и по сей день верит в Амстердам, но что он воли к борьбе полон. Только позднее в Гааге понял Эдо Фиммен истинную сущность Амстердама. Он увидал, как саботируют каждую попытку борьбы. В период рурского конфликта Фиммен убедился, что, в сущности говоря, ни II, ни Амстердамского Интернационала не существует, что они не намерены пошевельнуть ни единым пальцем и служат агентами своих правительств. В ответ на выдвинутое амстердамцами обвинение Фиммена в предательстве мы говорим: беда Эдо Фиммена в том, что он принимал всерьез фразы амстердамцев. Эдо Фиммен борется не за коммунизм, но за принципы, отстаивать которые амстердамцы обязались, и которым они изменили,—за принципы классовой борьбы. Мы еще не можем предвидеть дальнейшей эволюции Эдо Фиммена. Еще неизвестно, какую борьбу придется нам с ним выдержать, но поступок Фиммена—честный революционный поступок, и значение его усугубляется тем, что он свидетельствует о *каком-то сдвиге в массах амстердамцев*. Если бы тяготение Фиммена не к коммунизму, а к выполнению данных амстердамцами же обещаний носило личный характер, амстердамцы уже давно бы сломали ему шею. Они этого не делают, не дерзают делать. Это доказывает, что в рабочих массах Амстердамского Интернационала нарастает воля к борьбе, и что лжевожди амстердамцев не дерзают нанести удар левым. Энтузиазм, с которым приветствовали Фиммена на съезде железнодорож-

ников в Чехо-Словакии, в Аусиге, социал-демократические газеты не рискнули напечатать его речи, и она появилась лишь на страницах коммунистической печати; тот факт, что даже такой колеблющийся человек, как Вильямс, вынужден итти вместе с Фимменом,—все это доказывает, что движение это принимает широкий массовый характер, и что оно проникло в глубь II и Амстердамского Интернационалов. *Чем упорней будут уклоняться господа II Интернационала от общих выступлений с нами, тем сильнее будут развал в их рядах, развал в рядах II Интернационала и откол от него.*

Товарищи, у нас есть и еще один опыт из области применения тактики единого фронта. Опыт этот проделан в *Германии*, с германской социал-демократией, резко сопротивляющейся тактике единого фронта. В общеимперском масштабе она отвергает возможность совместных выступлений с нами. Но в промышленных центрах, где сильно давление со стороны рабочего класса, социал-демократическим вождям приходится мириться с тактикой единого фронта. В промышленном центре Саксонии социал-демократические рабочие заставили вождей пойти на сотрудничество с нами. Поддерживая социал-демократическое правительство Цейгнера, порвавшее с буржуазией, мы этим самым показали, что неправы социал-демократы, говорящие, будто мы прибегаем к тактике единого фронта исключительно в целях их разоблачения. К сожалению, разоблачают себя они сами. Наша ближайшая цель—*общее выступление пролетариата*, и мы уже доказали свою искреннюю готовность на уступки с целью оказания поддержки малейшему наступательному движению социал-демократов. Но, товарищи, саксонский опыт наглядно обнаружил и *опасности, которые таит в себе эта тактика*, и на которые мы указывали уже раньше. Социал-демократов надо поддерживать в их наступательном движении; *не следует, однако, безоговорочно занимать враждебную им позицию* во всех случаях их пассивного или *враждебного пролетариату поведения*. Эта опасность не была учтена своевременно нашей германской партией. Вам уже известны события в Дрездене, Бауцене, Лейпциге, где цейгнеровская полиция, во главе с фашистами и правыми социал-демокра-

тами—полицейскими приставами Флейшером и Менке, стреляла в рабочих. Не подлежит никакому сомнению, что *Цейгнер этого не хотел, но у него нехватило мужества своевременно отшвырнуть фашистских офицеров, произвести чистку полиции и удалить из нее правосоциалистических саботажников и провокаторов.* Долгом нашей партии было сказать правительству Цейгнера: или—или; или мы поддерживаем тебя, усматривая в тебе наличие хоть и слабого намерения дать отпор фашизму, или мы отказываемся иметь с тобой дело, если ты допускаешь, чтобы фашисты стреляли в рабочих, а право-социал-демократические саботажники и провокаторы произносили при этом свой аминь. 30 мая партией ничего не было предпринято. *Это крупная ошибка. Партия не уяснила себе границ тактики единого фронта. Границы эти таковы: мы можем поддерживать колеблющихся, толкая их в борьбу, но сами никогда не должны колебаться. В этом хаосе скрещивающихся тенденций рабочий класс всегда должен видеть в лице компартии силу, которая не дрогнет и не поколеблется.*

Компартия не только не должна брать на себя ответственности за расстрелы безработных, требующих куска хлеба у буржуазного общества,—такого рода ответственности не несет она и в Саксонии,—но она ни единого дня не должна поддерживать правительство, именующее себя рабочим и в то же время берущее на свою совесть трупы рабочих, не тронув и волоска на голове буржуазии. Идя на союз, надлежит помнить: если Талейран прав, говоря, что союз всегда сводится к тому, что один сидит в седле, а другой на себе везет, то мы предпочитаем быть в седле, а отнюдь не везти. Мы вовсе не намерены служить фиговым листком буржуазному правительству.

Товарищи! Опыт проведения в жизнь тактики единого фронта ее не только не опроверг, но и десятки раз убеждал нас в правильности *проводимой нами тактики, благодаря которой нам если и не удастся увлечь крупные социал-демократические партии на совместные с нами действия, то, во всяком случае, удастся мобилизовать широкие массы социал-демократов для дружной борьбы за ближайшие требо-*

вания. Мы исправим кое-какие совершенные нами при проведении этой тактики промахи, но будем стойко ее держаться.

Подхожу к последней части моего доклада,—к новым задачам, объективно выдвигаемым мировым положением, сформулированным расширенным пленумом. *Подтвердив правильность тактики единого фронта, мы пошли еще дальше.* Тактика единого фронта равносильна собиранию пролетариата как класса, равносильна мобилизации пролетарских масс.

Работая над выполнением этой первой задачи, мы в то же время должны ставить себе еще и вторую. Резолюция о рабоче-крестьянском правительстве и фашизме есть дальнейший шаг вперед. Она выдвигает перед Коминтерном проблему *союзов*, формально или фактически необходимых *рабочему классу* для одержания победы.

Вопрос о политическом союзе.

Слово союз обычно связывают со словом компромисс; это, разумеется, пугает наших товарищей, еще не совсем освободившихся от пут старой социал-демократической идеологии. Не теряя попусту слов, я предлагаю вам прочесть главу о компромиссах в брошюре Ленина: «Детская болезнь левизны». Чем отличаемся мы от социал-демократов в вопросе политического союза? Тем же, чем отличались русские большевики от русских меньшевиков. Большевики никогда не мечтали о завоевании рабочим классом власти путем изолированной борьбы. Такая борьба исключала бы возможность победы рабочего класса в странах, где он в меньшинстве. Победа рабочего класса возможна лишь при отсутствии объединенного фронта буржуазии. Революция начинается вовсе не обязательно в тот момент, когда рабочей массе не остается ничего иного, как поднять знамя революции. Воля рабочего класса к завоеванию власти еще не устраняет возможности быть разбитым. Идейного сплочения сил нигде достигнуть не удалось, аппарат же буржуазии чрезвычайно силен. Если буржуазия обладает силой и сплоченностью, то в руках ее не только средства военного принуждения,

но и школа, печать, аппарат всех ее партий, обрабатывающих значительную часть рабочего класса. Революционные же рабочие составляют незначительное меньшинство. Необходимой предпосылкой революции являются не только воля рабочего класса, но и *развал, раскол в рядах буржуазии*. Больше того: *воля рабочего класса к революции растет по мере того, как он видит раскол и слабость в рядах противника*. Коммунисты не должны надеяться *на изолированную победу рабочего класса*. Она исторически немыслима. Они должны понять, *что для победы рабочему классу нужны союзники*. Весь вопрос в том, где их искать. Русские меньшевики отличались от большевиков тем, что они говорили: союз рабочего класса с либеральной буржуазией есть путь для победы над царизмом.

Европейские же меньшевики—социал-демократы—говорят, что союз рабочего класса с либеральной «демократической» буржуазией есть даже путь к социализму. Он, якобы, служит гарантией прочности демократического строя, на основе которого мало-помалу можно проводить социализм. Анализируя разногласия в лагере германских социал-демократов в довоенный период,—там надо искать корней не только борьбы большевиков с меньшевиками, но и идейных корней современного коммунизма,—припоминая борьбу левых радикалов с Каутским, начинаешь понимать, что основная идея Каутского—спасение от империализма в союзе с либералами. Что же показывает нам опыт? Всюду, где только социал-демократы вступали в союз с либеральной буржуазией, дело кончалось их поражением, и по миновании опасности буржуазия их выбрасывала из правительства. В России меньшевики потерпели поражение благодаря своему союзу с кадетами. Они были разбиты в Октябре. В Германии их коалиция с либеральной буржуазией помогла ликвидации ноябрьской революции. То же самое и в Австрии.

Современные сторонники союза с буржуазией горько жалуются на невозможность хотя бы коалиции с ней. В тот самый день, когда Турати предложил либеральной итальянской буржуазии заключить с ним союз, либералы оказались вытесненными из правительства, и в нем водворился Муссоли-

ни. Когда же Бальдези вознамерился-было войти в правительство, Муссолини сказал ему: покорнейше благодарю. Вот почему эти люди не дерзнули внести в гамбургскую программу идеи коалиции с либеральной буржуазией—эту альфу и омегу их позиции. Это побитые псы, вознамерившиеся-было объединиться с колбасой и вместо того получившие палку.

Может ли рабочий класс найти себе других союзников? Да, может. Во всех странах, где имеются городская и сельская мелкая буржуазия и бедное *крестьянство*, нынешнее положение сулит расслоение этой крестьянской массы. В первое время по окончании войны крестьяне разбогатели благодаря растущей дороговизне сельскохозяйственных продуктов, в результате же накопленные ими богатства разлетелись в прах, подобно керенкам, собранным русскими крестьянами. Лежавшие в сундуках деньги в один прекрасный день оказались пригодны лишь для оклейки ими стен вместо обоев. Положение беднейшего крестьянства всюду в Европе ухудшается. Ухудшается оно и в Америке. По мере экономического развала все более и более резко ухудшается его положение. Возьмем хотя бы Францию: положение, в котором очутилась там буржуазия, заставляет ее во имя своего спасения нагромождать все большие и большие налоги на крестьянство. Так обстоит дело во всех странах. Всюду *крестьянство является тем крупным слоем, с которым мы можем связаться, и который мы можем, по меньшей мере, нейтрализовать.*

Для этой цели необходимо, как уже указывал тов. Зиновьев на расширенном пленуме Коминтерна, преодолеть пережитки социал-демократической идеологии в области крестьянского вопроса. В Германии в период войны существовало натуральное обложение крестьянства. Крестьянин должен был поставлять государству по ценам ниже рыночных некоторое количество хлеба, зерна. Это, казалось бы, соответствовало интересам рабочего класса. В прошлом году разгорелась крупная борьба вокруг цен на хлеб и размеров натурального обложения. Социал-демократы вопили, что крестьяне слишком требовательны, а коммунистическая печать

старалась перещеголять социал-демократов и требовала повышения натурального обложения и понижения твердых цен. Трудно представить себе что-либо более неленое. Кто враг германского рабочего класса? Крестьянин? Германский рабочий класс не сумеет удержаться у власти после победы, если не найдет модуса вивенди с бедным и средним крестьянством. Исторический враг не крестьянин, ликвидировать нам предстоит не господство крестьян, а господство королей железа и угля. В чем же состояла наша задача? Нужно было добиваться обложения крупной буржуазии, дающей государству возможность поставлять рабочим по дешевым ценам хлеб. Это возможно и в форме натурального обложения. Крестьянин поставляет государству по дешевым ценам причитающийся с него хлеб. Государство же обязано, в качестве компенсации, поставлять крестьянству по столь же дешевым ценам взимаемые в качестве обложения со Стиннеса, Клэкнера и прочих промышленные товары. Вместо этого, мы стали заострять свою борьбу не против Стиннеса, а против крестьянства. Это свидетельствует о том, что мы еще не сбросили с себя социал-демократической скорлупы. Лозунг рабоче-крестьянского правительства, разумеется, потребует от партии тщательной работы в смысле ориентировки. Довольно уже смотреть на все городскими глазами, пора усвоить психологию русских коммунистов. Они не перестают быть борцами пролетариата, но когда ночью в деревне дождь с градом, они утром выходят в *поле* смотреть, не уничтожил ли он хлеба. Они чувствуют себя ответственными за судьбы народа. Когда мы жили в Швейцарии, нам было безразлично, едим ли мы хлеб аргентинский, американский или русский. Но теперь мы знаем, что от урожая крестьянского хлеба зависят судьбы народа, русского пролетариата. Завоевав власть, рабочий, разумеется, должен остаться пролетарием-революционером, но классовый интерес подсказывает ему необходимость существования класса, без которого ему не удержать в своих руках власти. Ни в одной из книг, посвященных вопросу социальной революции и писанных до революции, русские авторы не задаются вопросом: что мы станем есть после социальной революции? Ни в единой. В

ту пору мы были еще очень далеки от революции, нас отделяли от нее горы и реки, теперь же этот вопрос просится на уста не только каждого теоретика, но и каждого рабочего. Поговорите-ка с английским революционным рабочим, и он вам скажет: в Англии есть на семь недель хлеба, откуда добыть его в случае революции? Тот же вопрос задаст вам и германский, и итальянский рабочий. Рабочий класс должен в первую голову разрешить эту проблему теоретически: он должен создать аппарат связи с крестьянством.

Какое значение приобретает в этой связи лозунг рабоче-крестьянского правительства? Разумеется, если он принимается партиями лишь формально, чтобы поднимать за него руку на конгрессах, ничего не предпринимая практически, то это—мертвый лозунг. А, между тем, этот лозунг даст возможность подойти к крестьянству и с ним заговорить, он дает формулу будущего и вынуждает нас заняться вопросом о взаимоотношении с крестьянством.

Но крестьянство—это не *единственный слой*, который предстоит завоевать если, может-быть, и не на сторону коммунизма, то на сторону признания рабоче-крестьянского правительства, единственно способного вывести мир из создавшегося положения. Если вы меня спросите, каково главное отличие русской революции от революций западно-европейских, я вам укажу на два основных различия. Первым характерным признаком Запада является наличие крупных, сплоченных массовых организаций пролетариата, не примыкающих к коммунизму. *Тактика единого фронта*, едва только намечавшаяся в процессе русской революции, имеет целью привлечение этих масс на свою сторону для совместной с ними борьбы. Тактика единого фронта свидетельствует о готовности компартии войти в коалицию с некоммунистическими рабочими партиями в целях завоевания власти. Второй характерный признак: роль интеллигенции—технического персонала—в грядущей западно-европейской революции. Проблема эта не нова. Каждому задумывавшемуся над вопросом об европейской революции не с точки зрения ее сходства с русской революцией,—над этим приходилось задумываться в 1918 году, но этим не исчерпывается вопрос в

1919,—но размышлявшему над вопросом об отличии европейской революции от русской, ясно было одно: благодаря наличию более многочисленного, более тесно сплоченного пролетариата и сравнительно более узкого аграрного базиса, гражданская война в Западной Европе будет иметь в тысячу раз более опустошительные последствия, чем в России. В России можно было смести пару городов, но нельзя было расстрелять всей России. Если же окажется залитой Рурская область, то не будет ни нефти, ни дров для германских железных дорог, или если в процессе революции будет разрушена германская промышленность, то пролетариат не сможет искать спасения в деревне, а затем медленно строить заново промышленность, как это делаем мы. Так обстоит дело и во всех промышленных странах. В 1921 году в одной из своих речей Ллойд-Джордж сказал, что если покатится по наклонной плоскости Англия, ей это грозит в тысячу раз большей опасностью, чем России. Он прав. Но разве это, действительно, как говорят социал-демократы, аргумент против революции? Разве отсюда следует, что, из боязни более гибельных последствий разрушения, мы должны пытаться строить социализм вместе со Стиннесом? Конечно, будь у нас возможность купить Стиннеса, постепенно откупиться от буржуазии и таким образом избежать гражданской войны, каждый из нас охотно пошел бы на это. *Экспроприация без вознаграждения—не принцип, но горькая необходимость.* Возникает вопрос: есть ли средство ослабить неизбежный в процессе гражданской войны развал промышленности? Конечно, есть, и притом в самой промышленности. Надо только уметь использовать многочисленный технический персонал. Почему же не удалось использовать его в первые годы русской революции? По весьма простой причине: при царизме значение русской интеллигенции было равно нолю. При Керенском она стала у власти. Останься Россия в колее буржуазного государства, господствующее положение в ней принадлежало бы, разумеется, буржуазии, и государственный аппарат остался бы в руках буржуазной интеллигенции. Вот почему она саботировала пролетарскую революцию. Вторым основанием для са-

ботажа был порожденный революцией Брестский мир. Пришлось пройти через полосу величайшего национального унижения, оттолкнувшего от нас интеллигенцию.

Каково положение в Западной Европе? *Буржуазный строй пролетаризирует во всех странах интеллигенцию.* Война создала тип не только *нового богача*, но и *нового бедняка*, деклассированного интеллигента. Интеллигент видит, как растут капиталистические мамонты. Судьбами Германии управляет Стиннес. Отвратительная картина—видеть, как за спиной германского народа пара людей распоряжается судьбами Германии. Крупнейшие предприятия, объединяющие тысячи рабочих и сотни техников, служат лишь объектом спекуляции. Положение интеллигенции хуже положения пролетариата. Русская интеллигенция считала русскую революцию бунтом черни, нашедшим свое выражение в бегстве с фронта солдата и крестьянина; западно-европейская же интеллигенция воочию наблюдает крушение капиталистической системы. В Германии трудно найти книгу популярнее «Заката Европы» Шпенглера. О чем это свидетельствует? О том, что ясно всем: буржуазия катится по наклонной плоскости. Этот распад—та почва, на которой можно завоевать слои интеллигенции и повести их с нами в борьбу. В Америке и Англии обстановка, в которой очутилась эта интеллигенция, толкает ее на путь связи с либеральной идеологией. В странах побежденных она толкает интеллигенцию на путь связи с фашизмом, национализмом.

Отношение к фашизму.

В первой части своего доклада я нарисовал вам картину нашего отношения к фашизму, картину прилива и отлива мировой революции и контр-революции в Европе. Сделал я это не только для того, чтобы доказать нелепость утверждения Отто Бауэра, сравнивающего наши времена с временами после Венского конгресса, но и чтобы помочь вам разобраться в различного рода оттенках, существующих в лагере контр-революции. Это облегчит нам процесс понимания

фашизма. Я уже упоминал о брошюре тов. Гвидо Аквилла и указывал, что она содержит в себе великолепную картину фашизма, но неправильные тактические выводы. В этой брошюре говорится: фашизм—это историческая форма, в которую вылилось стремление крупного капитала упрочить свое господство на спине рабочего класса и таким образом восстановить капитализм. Товарищи, так ли это, или, вернее, исчерпывается ли все этим утверждением? Если бы это было так, то спрашивается: какова же разница между Хорти, Муссолини, Керзоном и Цанковым? Каким образом попала власть в руки Хорти? После венгерской советской революции он водворился на штыках буржуазии. Он одержал победу не при помощи враждебного Советской власти крестьянского движения, не при помощи мелкой буржуазии, но при помощи румынских бояр, подобно тому, как в Финляндии белогвардейская диктатура победила при помощи германского милитаризма. Что принес с собой Хорти? Старый режим Венгрии. Что делает Хорти? Он вынужден служить богам, которые царят и властвуют при капиталистическом строе,—банковому и финансовому капиталу. Хорти позволяет громить на улицах евреев, и все же он служит еврейским банкирам. Что нас ждет в случае упрочения режима Хорти? Разумеется, власть финансового и промышленного капитала.

А кому Керзон служит? Опять-таки классам, занимающим в Англии экономически господствующее положение. Он служит промышленному и финансовому капиталу.

Кому служит Муссолини? Ведь, железные дороги и телефоны скупает не Серрати, а тот, кто купить их может: банковые и промышленные концерны. Муссолини покровительствует банку Коммерсиале, этому выразителю интересов тяжелой индустрии.

Каково будет поведение Цанкова? Ему придется прибегнуть к европейскому кредиту и пойти на уступки европейскому капиталу.

С точки зрения конечной цели *контр-революции* нет разницы между Керзоном, Муссолини, Цанковым, Хорти и убитым французами Шлагеттером. Все, кто не стоит на почве пролетарской революции, кто не стремится водворить го-

сподство пролетариата, независимо от чего они исходят, кончают восстановлением капитализма. Сказать, что фашизм — форма восстановления старого капитализма, — все равно, что назвать Керзона, Муссолини, Хорти и Цанкова фашистами. Ночью все кошки серы. *Важно не только проанализировать конечную цель движения, но и определить, на какие слои оно опирается, потому что надо строить тактику в зависимости от результатов подобного анализа.* На тех, кто служит опорой Керзону, мы повлиять не можем. Нам не перетянуть на свою сторону Сити. Что же касается крестьян и рабочих, на которых опирался Муссолини, то их завоевать на свою сторону мы, несомненно, можем. Нелепо и бессодержательно *именовать всякую контр-революцию фашизмом.*

О чем же свидетельствует победа английских консерваторов? *О прочности капиталистического строя в Англии, где промышленная буржуазия и банковый капитал еще могут одерживать победы при помощи реальных средств.* Если вы спросите меня, какова разница между Хорти и Муссолини, то я скажу, что Хорти победил при помощи румынского штыка, имея слабую опору в мелкобуржуазной массе. *Муссолини же победил во главе крупного движения мелкой буржуазии, а Цанков одержал верх при помощи государственного переворота, не имея за собой большинства страны.*

Где надо искать корней фашизма? Я уже касался этого в своей речи на IV конгрессе и в докладе о наступлении капитала. Напомню лишь вкратце основные высказанные мною тогда мысли.

Италия вышла из войны хотя и не побежденной, но с разрушенным хозяйством. Социалистически-настроенный пролетариат не обладал притягательной силой для союза с крестьянством и мелкой буржуазией, для одержания победы и установления нового экономического строя. Мелкобуржуазные массы, влившиеся в движение в поисках новизны, разочаровавшись в социал-демократах, стали орудием крупного капитала, стремящегося подавить рабочий класс.

Мелкобуржуазная масса надеялась установить новую власть, способную создать новую Италию.

Какой линии надо держаться в Италии? Гвидо Аквилла говорит в своей брошюре об «едином фронте пролетариата». К этому сводится весь его рецепт. Объединение рабочего класса вокруг единого выступления необходимо. Но разве можно разбить Муссолини в изолированной борьбе? Ведь, Муссолини опирается на широкие слои крестьянства и мелкой городской буржуазии. Можем ли мы сделать их своими союзниками? Несомненно, что режим Муссолини будет способствовать росту их бедствий: *для противодействия широкому мелкобуржуазному фашистскому движению прежде всего необходим единый фронт пролетариата, а затем и союз с мелкой буржуазией для совместной борьбы против фашизма.*

Перехожу к вопросу о *германском фашизме.* Победа революции или контр-революции в Германии определит на пару лет судьбы всей центральной Европы. Многих товарищей, вероятно, удивила моя статья о Шлагеттере. Вряд ли кто-либо упрекнет меня в сантиментальности. Конечно, люди, умирающие во имя фашизма, мне несравненно симпатичнее тех, которые воюют за неприкосновенность своего чиновничьего поста. Но... в вопросах политики чувство не играет никакой роли. Целью моей статьи, своеобразная форма которой приковала к себе внимание как друзей, так и врагов, было возбудить вопрос об отношении германского рабочего класса к националистически-настроенной, мелкобуржуазной массе. Эта цель мною отчасти достигнута. Чрезвычайно интересно подвести итог. Как реагировали на эту речь «Крейццейтунг» и «Ди Цайт», орган аграриев и промышленников, стоящих за спиной националистических так-называемых «народных» организаций? Они предостерегали народную массу от расставленных нами ловушек. Аграрии и тяжелопромышленники тратят деньги на создание тайных союзов, могущих служить орудием в борьбе за интересы крупного капитала. Господа Стиннес и компания жаждут соглашения с французской тяжелой индустрией. Эта же последняя, в своей борьбе за львиную долю в картели

опирается на французскую армию. И вот германская тяжелая индустрия старается противопоставить вооруженной силе конкурентов хотя бы тайные общества, взрывающие мосты и деморализующие оккупационные войска путем нападений на вражеские посты. Дело доходит до крупных столкновений, льется германская кровь. Конечно, господа тяжелопромышленники об этом сожалеют, — они не изверги, им тоже присущи человеческие чувства,—однако, с точки зрения грядущей доли прибыли во франко-германском железоугольном тресте это вовсе не плохо: Пуанкаре окажется изолированным в мировом масштабе, утеряет симпатии и вынужден будет стать уступчивее при переговорах. А когда за кулисами все будет готово, так что и дипломатические марионетки смогут начать свою пляску, будет спровоцировано восстаньице коммунистов, на которых натравят «народников», и, по просьбе какого-нибудь Лютербека, генерал Дегутт восстановит спокойствие под треск пулеметов и при глубоком молчании «национальной печати», 90% которой, согласно свидетельству Георга Бернгардта, находится в полной зависимости от господ Стиннеса и Гугенберга. Если при этом французские пулеметы отправят на тот свет не только нас, рабочих-коммунистов, но и «горячие националистические головы», это тоже будет хорошо: национальным героям место в былинах, а в дела им нечего совать свой нос. Удивительно ли, что при наличии таких планов, хлебные, угольные и железные спекулянты предостерегают «народников» от наших «ловушек», открывающих мелкобуржуазной массе глаза на совершаемый обман. Каков поп, таков и приход: удивительно ли, что Вулле и Гауниг подняли вопль на страницах «Германской Народной Газеты»: жид, жид, жид! Это свидетельствует лишь о том, что они сознательно подхалимствуют «Вангенгеймам, Вестарпам и Стиннесам, сколько бы они от них ни отмежевывались публично. Но то, как отозвались на мою речь «Гевиссен» и многие другие органы германских националистов, показывает, что и в руководящих органах германского фашизма имеются элементы, ищущие истинного пути. Мое выступление, конечно, не могло дока-

титься до националистической массы, оно оказало действие лишь на верхушки, теперь задача К. П. Г. найти доступ к этой массе. Она справится с задачей, если при всяком адресуемом фашистам слове и при каждом предпринимаемом по их адресу шаге будет учтено то обстоятельство, что фашистская масса, за исключением нескольких десятков негодяев, не понимает, каким целям она служит, не понимает, что ведет борьбу за пару лишних процентов для Стиннеса. Она борется потому, что целыми неделями не видит мяса, потому что ходит в лохмотьях, потому что найти комнату—это целая трагедия, а купить рубашку—целое семейное событие, да еще потому, что интеллигент не имеет возможности купить себе книжки. Ремесленник или мелкий торговец видит, как уплывает все, что ему удается заработать, вспоминает о временах кайзера, когда можно было купить шесть кружек пива, и мечтает о возврате к былому величию Германской империи. Смешно думать, что не единым хлебом живут лишь рабочие; что лишь они грезят об идеале. Идеалом мелкого мещанства была великая и сильная империя, которая теперь лежит в осколках. В рамках этой империи интеллигент грезил об экспансии, открывающей для него всякого рода возможности, а мещанин хотя и ничего от нее не получал, но бегал вслед военному оркестру и восторгался величием империи. Теперь все это великолепие миновало. Остались лишь материальная нужда да моральные страдания.

Товарищи, фашистская опасность велика. Не будь фашизм расколот на столько частей, он уже одержал бы победу в Германии. Его победе мешает его внутренний раскол; если же ему удастся добраться до власти, то германским фашистским массам предстоит пережить еще более горькие разочарования, чем те, что выпали на долю итальянских. Муссолини некуда спешить. Ничто его не заставляет сразу перевалить все бремя на мелкую буржуазию, но когда Стиннес при помощи фашизма заключит мир с Лушером на спине германского пролетариата, он взвалит на крестьянство десятикратное бремя налогов и во имя поднятия «доходности» железных дорог выбросит на

улицу не только рабочих, но и тысячи техников. Фашистское правительство выкинет за борт все фразы о национальном благоденствии и будет искать мира с версальскими поработителями. Товарищи, если при такого рода положении мы обращаемся к фашистским националистическим массам, это не коварные козни и не хитроумная политика, в которой один стремится надуть другого. Игра здесь ведется на чистую. Здесь не место коварству. Дело в следующем: широкая масса германских националистов — это мелкобуржуазная масса, *которую пролетаризирует крупный капитал.* На ее бедствиях он строит свое благополучие. Эти массы идут на поводу у крупного капитала *в силу банкротства германского социализма,* в силу того, что ноябрьские деятели в Германии оказались способны лишь лакейски подводить лошадь Стиннесу. Растоптавшая свое знамя и предавшая демократию старым кайзеровским генералам, социал-демократия превратилась в пугало. Обнищавшая, совершенно выбитая из колеи, мелкобуржуазная масса не встречает со стороны социал-демократии поддержки в борьбе с материальными, политическими и духовными бедствиями. Почему бы им стоять за демократический строй? В чем его притягательная сила? Ради чего станут они за него бороться? Ведь, социал-демократы предоставляют каждому свободу поклонения любым богам, они говорят: республика или монархия,—не в этом дело, пусть каждый сам решает этот вопрос. Их социальное законодательство дает возможность крупным промышленникам загребать миллиарды, тогда как в Германии впервые на протяжении всей ее истории свирепствует скорбут, и изо дня в день множится детский туберкулез, и инвалиды не могут добиться хотя бы куска хлеба. На кого же излучает социальную теплоту такая республика? Германская республика существует лишь потому, что кайзер бежал, но на троне сидит господин Эберт, а на маленьких тронах, как их ни называй, сидят чиновники социал-демократы, бок-о-бок с чиновниками-«демократами». Как же могут массы, сбившиеся с толку в своем миросозерцании и потрясенные до дна в своих душевных переживаниях, считать прибежищем

в своих бедствиях эту буржуазную демократию, которая не может даже указать им пути спасения, не может даже сказать, как спастись германскому народу, которая на своем знамени начертала всего лишь один лозунг: «германский народ, кроме цепей тебе, приходится терять лишь прибыли Стиннеса да твоих верных чиновников»?!.

Этой республике нехватает даже мужества, чтобы сказать: *Мы перестаем быть нацией, мы превращаемся в колонию европейского капитала*; еще меньше у нее мужества, чтобы сказать: сегодня мы покоримся, а все же будем *готовиться к борьбе*.

Как же относится к этим массам коммунистическая партия? Компартия, которая ведет борьбу во имя спасения рабочего класса от нужды и социальных бедствий, должна вести борьбу и против бедствий мелкой буржуазии, и это не только потому, что ее надо привлечь на свою сторону, но и потому, что *пролетаризированные мещане в противном случае превратятся в штрейкбрехеров, в группу германских пинкертонов, орудующих против рабочего класса*. Теперь о духовных страданиях массы, о нашем отношении к Версальскому договору. Мы, коммунисты, не можем обещать, что, очутившись у власти, тотчас же порвем Версальский договор. Но совершенно ясно, что германский пролетариат не сможет захватить власть, покуда масса германского народа не уверует в то, что *он всеми силами будет бороться, чтобы сбросить иго чужеземного капитала*. Когда мы заключали Брестский мир, интеллигенция вопила, но широкие крестьянские массы знали, что им нужен мир, и этот мир проложил путь новой России. Теперь, четыре года спустя по заключении Версальского мира, германские рабочие массы понимают, что он ведет к развалу. Если коммунистической партии удастся показать массам, что она вождь в борьбе не только за кусок хлеба, но и за *освобождение германского народа из-под ига чужеземного капитала*; если германская компартия будет проводить эту тактику не в качестве маневра, но сообразуясь с интересами германского пролетариата, она не станет заключать союзов с бандами фашистских убийц, во-

преки тому, что говорят о ней социал-демократы, но даст почувствовать широким массам мелкой буржуазии, что компартия несет освобождение всему германскому народу. Если социал-демократы по поводу моей речи станут вопить, что мы расставляем «ловушки» крестьянству, но в результате сами очутимся в положении обманутых, мы им ответим, что чья бы корова мычала, а ваша бы молчала, и что не им говорить нам подобные вещи,—им, мальчищески оставшимся с носом в капповском путче. *Коминтерн знает, что нам придется вести вооруженную борьбу с громадной частью фашистов, и потому мы говорим: единый фронт пролетариата, пролетарские сотни, вооруженной рукой защищающие пролетариат от фашистов, а в случае необходимости и нападающие на них, и одновременно с этим расширение базиса нашей агитации.*

Итальянская компартия потерпела поражение не только потому, что на стороне Муссолини была вооруженная сила, но и потому, что она не сумела связаться с *мелким крестьянством и мелкой городской буржуазией*. Она была еще слишком молода, еще только начинала группировать вокруг себя пролетариат. Наша партия в *Болгарии* оказалась разбитой наголову не массовым фашистским движением, а при помощи военного заговора, состряпанного небольшой кликой, и объясняется это тем, что она не сумела связаться с крестьянством, потому что еще крепко сидела в социал-демократической скорлупе. Нам не хочется, чтобы ту же ошибку повторили германская и чехо-словацкая партии, от которых будет зависеть в ближайшие годы судьба коммунизма. *И они этих промахов не совершат, если только не будут смотреть на фашизм, как на борьбу чисто-военного характера, а будут понимать, что это не только дело рабочего класса, но и крупная политическая борьба пролетариата, ищущего и находящего себе союзников в мелкой буржуазии. При этом партия должна иметь в себе мужество осознать, что представляет собой стремление к диктатуре, и что требуется для ее осуществления.*

Что означает диктатура пролетариата? Нельзя понимать

дело так, будто рабочий класс оседлает нацию и станет на ней ездить. Нет, он поведет громадное большинство нации навстречу лучшему будущему. О чем свидетельствует диктатура пролетариата? Она претендует сделать рабочий класс представителем нации. Мы были противниками самообороны Германии, когда она была империалистическим государством, воевавшим с другими странами из-за дележа добычи. В ту пору германские социал-демократы были «лжепатриотами». Теперь мы говорим германским пролетариям: ваш долг не только бороться за улучшение своего положения, но и служить факелом, освещающим народу путь к лучшему будущему. Вчерашние «патриоты» милостью кайзера, военные социалисты по этому поводу обвиняют нас в национализме.

Накануне новых схваток.

Итак, предоставим им честь быть стражами Версальского мира, а сами будем готовить народные массы к решительной борьбе против него. Товарищи, задачей расширенного пленума было не только подтвердить правильность тактики единого фронта, но и дать понять коммунистическим массам всех стран, *что такое тактика искания союзников, и где таковых надо искать, для того, чтобы вместе с ними предпринять ближайшее выступление.* Наши амстердамцы, а также некоторая часть Коминтерна, полагают, что мы, произнося слово союзник, клянемся в верности на вечные времена. Если бы крестьяне и мелкие буржуа до конца шли с нами нога в ногу, то они были бы не союзниками, и мы бы приняли их в лоно Коминтерна. Под понятие союзника подходят те, кто объединяется на предмет выполнения определенных конкретных задач. На выборах 1907 года мы заключили союз с правыми эсерами. Теперь они сидят в Лубянской тюрьме. Мы взяли в свои руки власть совместно с левыми эсерами. В июле 1918 года мы их выбросили из состава правительства. Но в процессе видоизменения нашего отношения к партиям, служащим выразителями интересов мелкой буржуазии, мы старались укре-

пить свою связь с нею, постоянно стремились сохранить связь с крестьянством. А интеллигенция? В 1905 году в состав нашей партии входила масса интеллигентов, после 1905 они из нее вышли. В октябре 1917 года они были нашими противниками и саботировали нашу власть. Теперь у нас имеются десятки тысяч интеллигентов-некоммунистов, располагающих нашим полным доверием. Мы воспитали их при помощи всякого рода средств, сначала ставя их к стенке, а затем облачая полным доверием. Взаимоотношения классов основаны не на любви, а на учете своих интересов. Имеются классы, от которых нас отделяет пропасть, и другие, среди которых в процессе ближайшей борьбы мы можем найти себе союзников. Насколько удастся нам связаться с ними на более продолжительное время,— покажет история. Надо уяснить себе две необходимости: *1) укрепления, усиления, строительства Коминтерна в целом и его секций и охвата широких политических горизонтов, 2) подыскивания себе союзников для предстоящей реальной борьбы; с ними нужно итти вместе и вместе бить нашего заклятого врага.* Наш заклятый враг—*крупнокапиталистические слои общества*, стремящиеся в мировом масштабе восстановить капитализм, наиболее ярким выражением чего является *Версальский мир*. Обстановка нашей борьбы по сравнению с 1921 и 1922 гг. значительно улучшилась. За это время усилился как в международном, так и в национальном масштабе развал среди наших врагов, рабочие массы чувствуют в себе прилив энергии, а мы, Коминтерн, успели накопить много опыта. Теперь предстоит готовиться к борьбе в новой обстановке, при помощи нового, более отточенного оружия и с новыми союзниками. Мы не зовем итти напролом, инициатива пока еще в руках врага, а мы только прощупываем его фронт. Но надо стоять на-страже, используя каждый представляющийся случай, дабы от обороны, которую теперь можно организовать в тысячу раз лучше прежнего, перейти к наступлению там, где этому наиболее благоприятствуют обстоятельства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГПП, МОСКВА, Милютинский пер., 22.

Библиотека по вопросам международной политики.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Э. Шульце. Борьба за персидскую и месопотамскую нефть.
Лемонон. Англо-французские отношения.
Анжеран. Железо и франко-германские отношения.
Пинон, Шиллер, Хассерт. Проливы. (Сборник).
Куске, Бенуа и др. Левый берег Рейна. (Сборник).
Ф. Ротштейн. Англичане в Египте.
Перингоф и др. Французский финансовый капитал. (Сборник).
Пинон, Волос и др. Италия в европейской системе.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Оствальд и Губин. Япония. (Сборник).
Пулей. Японский империализм.
Демонжон. Соед. Штаты и Япония.
Хасхаген. Очерки мировой политики, ч. I и II.
Э. Шульце. Борьба за персидскую и месопотамскую нефть.
Юнг. Державы и арабы.
„ Месопотамия—страна будущего.
„ Малая Азия.
Руир. Англия и Средний Восток.
Стен Конов. Значение Индии для Англии.
Камбель. Китай.
Мерман-Кобленц. Багдадская жел. дорога.
Кьелен. Современные державы.
Дармштетер. Раздел Африки.
Дрио. История Оттоманской империи.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗ-СТВА
МОСКВА, Милютинский пер., 22.

1 р.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. „КРАСНАЯ НОВЬ" при Главполитпросвете.

Торговый сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. № 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ", Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.